

**КУБАНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Журнал основан в 1997 году

Выходит 4 раза в год

КубГУ, Краснодар

В НОМЕРЕ:

**Историографический анализ исследований
вопросов разведки и контрразведки
Российской империи в Кавказской войне
1817–1864 гг.**

**Проблема единства в японском
социалистическом движении
конца XIX – начала XX вв.**

**Церковное строительство и судьба
религиозных зданий в станице Славянской
в XX в.**

Голос минувшего
КУБАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Учредитель
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Шеф-редактор – А.В. Ващенко
Главный редактор – А.С. Евтушенко
Ответственный секретарь – Е.С. Леонович

Редколлегия
А.Ю. Рожков, Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев, А.Г. Иванов,
Ю.Г. Смертин, В.В. Касьянов, Ю.В. Лучинский

Редакционный совет
М.Б. Астапов – ректор КубГУ
В.А. Бабешко – академик РАН
Н.Ф. Бугай – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института
русской истории РАН
А.Г. Иванов – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и
международных отношений Кубанского государственного университета
А.С. Иващенко – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории
Адыгейского государственного университета
А.А. Кудрявцев – д-р ист. наук, профессор, директор Центра культурного и природного
наследия Северного Кавказа (г. Ставрополь)
А.А. Магометов – д-р ист. наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент
Северо-Осетинского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ
Х.Б. Мамсиров – д-р ист. наук, профессор, директор Социально-гуманитарного
института Кабардино-Балкарского государственного университета
И.О. Тюменцев – д-р ист. наук, профессор, директор Волгоградского филиала
Российской академии народного хозяйства и госслужбы
А.А. Шихсаидов – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института
истории, археологии, этнологии Дагестанского центра РАН, лауреат премии
Правительства РФ, заслуженный деятель науки РФ
В.П. Трут – д-р ист. наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-
на-Дону)

Адрес редакции и издателя:
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Тел. 21-99-555
Тел./факс. (861) 21-99-555
E-mail: decanatfismo@mail.ru

Зарегистрирован Управлением Россвязькомнадзора
по Краснодарскому краю
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ТУ 23-00177 от 22 апреля 2009 г.

12+

Цена свободная

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ.....	4
<i>Олифир А.В.</i> Историографический анализ исследований вопросов разведки и контрразведки Российской империи в Кавказской войне 1817–1864 гг.	4
<i>Сизион Д.С.</i> Проблема единства в японском социалистическом движении конца XIX – начала XX в.	11
<i>Радионов А.П.</i> Церковное строительство и судьба религиозных зданий в станице Славянской в XX в.	28
<i>Волков М.А.</i> Греческий флот и его роль в освободительной борьбе в 1820–1829 гг.	51
<i>Ткачев А.Н.</i> Выпускник кубанского истфака (очерк о Сергее Несторовиче Бенклиеве)	55
НАШИ ПУБЛИКАЦИИ.....	60
Памяти Гучипса Махмудовича Ачагу.....	60

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОПРОСОВ РАЗВЕДКИ И КОНТРРАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ 1817–1864 гг.

А.В. Олифир

Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
dissovet.fismo@kubsu.ru

В статье проводится анализ исследований в отечественной историографии в дореволюционный, советский и постсоветский периоды, связанных с вопросами разведывательной и контрразведывательной деятельности Российской империи во время Кавказской войны 1817–1864 гг. Дается характеристика идеологических взглядов историков на процессы военного освоения Кавказа на каждом из этих этапов. Кратко изложены мнения авторов о разведке и контрразведке русской армии в рассматриваемый исторический промежуток времени. Описаны основные формы и методы получения разведанных командованием русских частей, а также мотивы, служившие основанием для привлечения к сотрудничеству представителей горских племен. Представлены новые тенденции изучения данного направления отечественными историками в последние десятилетия, а также дана общая оценка изученности проблемы в целом.

Ключевые слова: историография, разведка, контрразведка, горцы, лазутчики, Кавказская война 1817–1864 гг.

На сегодняшний день существует значительное количество работ, посвященных изучению Кавказской войны 1817–1864 гг. и различным ее аспектам. Однако степень изученности истории разведки и контрразведки в годы войны оставляет желать лучшего. Данная работа посвящена состоянию историографии вопроса о разведке и контрразведке в годы Кавказской войны.

В отечественной историографии проблема проведения разведывательных операций рассматривается в большей степени в контексте изучения географии региона, его климатических условий, мест проживания и этнического состава населения, народного характера и быта горцев, что было обусловлено необходимостью получения (особенно на первоначальном этапе) данных о наличии дорог и горных троп, проходимых перевалах, местах сосредоточения противника; оценки его боеспособности и иных сведений, дающих общую характеристику региону и воинственным народам, его населявшим.

Историки не изучали отдельно вопросы проведения разведывательных или контрразведывательных операций, рассматривая их в общей канве военных действий, без выделения в отдельную, специализированную категорию.

В дореволюционный период в описании процессов подчинения Российской империей территории Кавказа отечественные историки и непосредственные участники тех событий (В.А. Потто [1], Р.А. Фадеев [2], Ф.Ф. Торнау [3] и др.) затрагивают вопросы разведки в основном с позиций изучения неведомой территории, получения ее картографических данных, в том числе путем военных рекогносцировок. Следует отметить, что дореволюционная русская историография характеризуется «имперской традицией», в основе которой лежало утверждение о геополитической необходимости завоевания Кавказа и цивилизаторской роли России.

О более деликатных методах разведки, связанных с привлечением к негласному сотрудничеству представителей противостоящих России горцев и требовавших от инициаторов и исполнителей операций специфических знаний и умений, упоминают такие историки, как Н.Ф. Дубровин, С.М. Духовский, С.С. Эсадзе.

Н.Ф. Дубровин [4], описывая события по усмирению А.П. Ермоловым районов Чечни и Дагестана в 1817–1818 гг., сообщает о том, что командующий Отдельным Грузинским корпусом получал сведения о неприятеле и его замыслах от непосредственных участников так называемых съездов и советов старейшин: «В совещаниях их всегда находились люди нам преданные, и через них Ермолов знал, что хищники, не надеявшиеся на прощение, возмущали прочих...» [5]. Тем самым Н.Ф. Дубровин указывает на наличие у командующего эффективной сети информаторов из числа горцев, пользовавшихся авторитетом у соплеменников и способных передавать сведения, важные для принятия своевременных решений и упреждающих действий.

С.С. Эсадзе в своем историческом очерке [6] упоминает о пластунах как об особом роде пеших разведчиков, которые «вперед кордонной линии рыскали бы по самым труднодоступным, глухим трущобам кубанских плавней и своевременно извещали бы посты об угрожающей опасности». С.С. Эсадзе характеризует пластунов как единственный тип казачества, сформированный исключительными местными условиями кордонной службы [7].

Заслуживает внимания и его описание разведывательной миссии капитана Кавказской гренадерской артиллерийской бригады Г.В. Новицкого, под видом путешественника посетившего в 1830 г. земли шапсугов [8]. Также С.С. Эсадзе отмечает важность использования в разведывательных целях лазутчиков из числа местного населения: «Кроме того действительная мера заключалась в

содержании лазутчиков, как в самих аулах враждебных горцев, так и среди живущих мирных горцев» [9].

На завершающем этапе войны в период активных действий на южных склонах Северо-Западного Кавказа весьма значительный вклад в деле предоставления российским войскам разведывательных данных вносили лазутчики из числа абадзехов, шапсугов, нутухайцев, убыхов и других горских племен, многие представители которых к тому времени разуверились в обещанной турками и англичанами поддержке и желали скорейшего прекращения военного противостояния с Российской империей. Эти события нашли отражение в труде С.М. Духовского [10], где описаны эпизоды получения от лазутчиков подробных сведений о пришедших из Турции морских судах с оружием, боеприпасами и обмундированием для горцев. Активно действовала сеть информаторов и для перехвата направлявшихся из Турции подстрекательских воззваний к адыгским племенам не прекращать ожесточенного сопротивления и не покидать своей территории путем иммиграции в Порту: «Большая часть писем и воззваний, распространяемых по горам, сообщались начальнику даховского отряда В.А. Гейману еще на дороге из Турции или от старшин и потом неслись и раздавались по назначению» [11].

В советский период превалирующей тенденцией исторического анализа Кавказской войны являлось рассмотрение ее через призму марксистско-ленинской идеологии, когда в негативном свете воспринималось все, что имело отношение к царской империи, а сопротивление горцев объяснялось их освободительной борьбой с экспансией царской армии и противостоянием угнетаемых на Кавказе простолюдинов зарождавшемуся здесь классу феодалов. Чуть позднее на повестку был поднят аспект негативного влияния на происходившие процессы фактора мюридизма. Но указанные тенденции не распространялись на проблему освещения разведывательных и контрразведывательных мероприятий, прежде всего ввиду их достаточно узкой специализации, а также весьма ограниченного количества исследований по данному вопросу.

Советские историки М.Н. Покровский, Е. Адамов, Л. Кутаков и др., как и их предшественники, также упоминают об использовании русскими войсками в разведывательных целях агентуры из числа горцев. М.Н. Покровский [12] отмечает, что особенно щедрые денежные вознаграждения за достоверную информацию о неприятеле выплачивались лазутчикам во времена руководства Отдельным Кавказским корпусом князем А.И. Барятинским: «Золото, действительно, было пущено в ход кн. Барятинским в таких размерах, как никогда раньше: лазутчикам, принесшим донесение вовсе не бог знает какой важности, но оправдавшееся, — червонцы давались буквально пригоршнями» [13].

Такой аспект, как борьба с разведывательно-подрывной деятельностью на Кавказе английских эмиссаров, причем не только в самой Черкесии, но и на территории Османской Порты, рассматривался советскими учеными Е. Адамовым и Л. Кутаковым [14]. Описывая деятельность на Западном Кавказе английской агентуры во второй половине 1830-х гг., они ссылаются на документальные источники того периода, в которых упоминается некий агент Андрей Хай, через которого осуществлялся перехват переписки английского разведчика Джеймса Станислава Белла с сотрудниками английского посольства в Турции и поступала информация о черкесских курьерах, передававших в Константинополь важные бумаги от Белла к английскому послу лорду Понсонби.

В своей книге [15], посвященной деятельности в Кавказском крае разведчика барона Ф.Ф. Торнау, советский историк Г.А. Дзидзария не только описывает заслуги этого русского офицера в изучении территории и народов Северо-Западного Кавказа, но и отмечает имеющиеся неточности, допущенные Ф.Ф. Торнау [16], в частности, в описании социальной структуры абхазов, в передаче некоторых географических названий и собственных имен, в определении границ отдельных черкесских племен и их численности. По мнению автора, это связано с тем, что за сравнительно короткое время пребывания на враждебной территории Ф.Ф. Торнау было трудно разобраться во всей сложности социального строя и хитросплетений жизни горских племен [17].

В целом же вопросам разведки и контрразведки в период Кавказской войны советские историки (впрочем, как до них, так и после) не уделяли особого внимания, концентрируясь в основном на геополитических и идеологических аспектах военного конфликта на Кавказе.

На современном этапе развития исторической науки, характеризующемся отсутствием радикальных идеологических установок, вопросы разведки и контрразведки Российской империи в период Кавказской войны также не удостоены того внимания, которого они, несомненно, заслуживают.

Одним из интересных направлений в изучении Кавказской войны в последние десятилетия является рассмотрение психологических особенностей влияния происходивших событий на их участников не только с точки зрения военно-административного освоения новой неизведанной территории, но и с позиций взаимного этнокультурного проникновения двух столкнувшихся цивилизационных общностей, что привело к формированию так называемых контактных зон или фронтиров. Эти процессы, по мнению ряда авторов (О.В. Матвеева, А.Р. Салчинкиной и др.), воздействовали и на тактику проведения военных действий, неотъемлемой частью которых были в том числе, мероприятия по разведке и контрразведке.

О.В. Матвеев [18], анализируя мотивы горцев, побуждавшие их быть лазутчиками и предоставлять не только сведения разведывательного характера, но и изобличать шпионскую деятельность своих соплеменников внутри расположений русской армии, приходит к выводу, что кроме жажды наживы, мести и других личных мотивов в ряде случаев ими двигала идея скорейшего завершения войны, а на Северо-Западном Кавказе – и избавления от чуждой черкесам идеологии пришельцев-наибов и религиозных фанатиков [19].

Кубанский историк А.Р. Салчинкина, изучающая с использованием историко-антропологического метода проблемы психологического влияния Кавказской войны на ее участников, в своей монографии [20] упоминает о широком использовании осведомителей среди горских племен, причем из разных слоев – от обычных пастухов до представителей черкесской знати, для которых не было зазорным получать за свои услуги денежное вознаграждение из рук противника [21].

По мнению кавказоведа В.В. Лапина [22], значительную сложность в выявлении русскими вражеской агентуры представляла неопределенность в распознавании «мирный – немирный» горец, что позволяло черкесам под видом поиска пропавшей скотины или простого торговца проникать в расположение русских войск для разведки. Кроме того, лазутчики зачастую были двурушниками, т.е. могли одновременно служить обеим сторонам. В своем историческом исследовании В.В. Лапин также отмечает, что осведомители вербовались из всех слоев горских племен и поставляли информацию за денежное вознаграждение, платившееся им из специальной экстраординарной безотчетной суммы, выделявшейся кордонным начальникам на так называемые подарки горцам [23].

Такому военно-разведывательному направлению, как «скрытные обозрения земель неприязненных нам горцев», начало которому положило российское командование на Кавказе с 1830-х гг., посвящена публикация Т.А. Колосовской [24]. Кратко описывая разведывательные миссии отдельных офицеров русской армии, таких как Г.В. Новицкий, И.В. Шаховский, Ф.Ф. Торнау, Г.С. Гордеев, Ф.И. Гене, В.И. Мочульский, А.И. Бергенгейм, автор отмечает, что целью этих опаснейших мероприятий были не только военно-разведывательные данные, но и попытка с помощью полученных сведений о специфике местной жизни выработать альтернативные силовым способы усмирения горцев для последующей организации эффективного управления [25].

Отдельному эпизоду использования командованием Кавказской линии в разведывательных целях русских солдат-перебежчиков посвящена статья Ю.Ю. Клычникова [26] о некоем Федоре Афанасьеве (Маразбеке), входившем в число доверенных людей наиба Магомета

Амина. Желая искупить вину за свое предательство, в 1853 г. Федор Афанасьев инициативно вышел на командующего Черноморской кордонной линией полковника Я.Г. Кухаренко и «излагал свое пожелание верной службой заслужить прощение за былые проступки» [27]. Оказавшись весьма ценным информатором, Маразбек неоднократно предоставлял важные разведывательные сведения о намерениях наиба, а также способствовал пленению беглого казака Кавказского линейного казачьего войска, именовавшегося у черкесов Смелем и «служившего горцам предателем разных станиц Кавказского линейного казачьего войска и в других неприязненных противу России поступках» [28]. В своей статье Ю.Ю. Клычников подчеркивает [29] отсутствие в отечественной историографии обобщающих монографических работ, освещающих разведывательность русской армии в период Кавказской войны, хотя внимание современных исследователей к событиям того периода не ослабевает.

Итогом представленного краткого историографического описания изучаемой проблемы является вывод о том, что до настоящего времени не существует специальных научных работ, посвященных разведке и контрразведке Российской империи в Кавказской войне. Несмотря на свою, безусловно, особую значимость, этот аспект в истории военного освоения Кавказа затрагивался лишь фрагментарно и не подвергался глубокому детальному анализу. Достаточно неизученными до настоящего времени являются вопросы, связанные с организацией, тактикой, формами, методами, и другими особенностями проведения разведывательных и контрразведывательных операций, осуществлявшихся силами регулярных воинских подразделений российской армии и казачьими формированиями. Практически не раскрыты нюансы эволюционной трансформации методов разведки на различных этапах войны, а также противодействия шпионской деятельности иностранных агентов и их пособников. Не установлена степень значимости и влияния конкретных разведывательных и контрразведывательных акций на конечный результат отдельных боевых действий и войны в целом. Существующие пробелы требуют дополнительного, досконального их изучения путем обобщения данных в уже имеющихся исторических трудах, а также проработки опубликованных и архивных источников для последующего выделения вопросов разведки и контрразведки в отдельную категорию исследований, касающихся событий Кавказской войны.

Библиографические ссылки

1. Потто В.А. Кавказская война в очерках, эпизодах, легендах и биографиях. М., 2018. С. 1231.
2. Фадеев Р.А. Кавказская война Российской империи. М., 2020. С. 272.
3. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. С. 456.

4. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 4 т. СПб., 1876–1888.
5. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 6. СПб., 1888. С. 297.
6. Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914. С. 182.
7. Там же. С. 12–13.
8. Там же. С. 30–36.
9. Там же. С. 18.
10. Духовский С.М. Даховский отряд на Южном склоне Кавказских гор в 1864 году. СПб., 1864. С. 133.
11. Там же. С. 8.
12. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: сб. ст., М., 1923. С. 392.
13. Там же. С. 215.
14. Адамов Е., Кутаков Л. Из истории происков иностранной агентуры во время кавказских войн // Вопросы истории. 1950. № 11.
15. Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976. С. 130.
16. Там же. С. 80–81.
17. Там же.
18. Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. С. 272.
19. Там же. С. 165–166.
20. Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817–1864 годов и психология комбатанства: монография. Краснодар, 2019.
21. Там же. С. 52.
22. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 400.
23. Там же. С. 261.
24. Колосовская Т.А. Скрытые обозрения земель неприязненных нам горцев: разведывательная деятельность российских военных на Кавказе в 30-е гг. XIX в. // Армия и общество. 2013. № 1 (33). С. 175–182.
25. Там же. С. 175–182.
26. Клычников Ю.Ю. Переписка о чеченце Маразбеке (Федоре Афанасьеве) и его подвигах: эпизод из деятельности русских лазутчиков в годы Кавказской войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 69–73.
27. Там же. С. 70.
28. Там же. С. 71.
29. Там же. С. 70.

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА В ЯПОНСКОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Д.С. Сизион

Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
sizyy.99@mail.ru

В статье рассматривается процесс становления и развития японской левой политической мысли, под которой подразумеваются те или иные течения социализма, коммунизма и анархизма. Основное внимание уделено различию идей теоретиков социализма в Японии и их взаимоотношениям. Поднимается вопрос о единстве теории и практики у японских социалистов. В работе даётся текстологический и источниковедческий анализ работ японских авторов, а также автор обращается к отечественной научной литературе. Цель исследования: определить процесс формирования в Японии рубежа XIX–XX вв. социалистических идей, показать степень единства и разобщенности в социалистическом лагере Японии, выявить ключевые идеологические расхождения между разными группировками.

Ключевые слова: социализм, коммунизм, марксизм, анархизм, Япония, Катаяма, Котоку, профсоюз, партия, революция.

Общественную атмосферу Японии с начала 1880-х гг. определяло «Движение за свободу и народные права» (Минкен ундо). Оно отражало стремление буржуазии добиться участия в управлении страной, чего большая её часть не сумела достичь в результате буржуазной революции 1867–1868 гг. Политические устремления буржуазии подкреплялись недовольством народных масс [1].

Период же зарождения рабочего движения в Японии пришелся на 1880–1890-е гг. Первый профсоюз был создан в 1887 г., и затем число профессий, представленных в рабочих объединениях, неуклонно росло. Однако по большей части эти организации занимались разрешением трудовых конфликтов и охраной труда, фактически ограничив свою деятельность чисто экономическими требованиями локального масштаба. Политическая сторона рабочего движения пока еще находилась вне поля зрения профсоюзов.

Формированию у рабочих классового, политического сознания способствовало «Движение за свободу и народные права». Несмотря на то что основным вопросом этого движения было требование учреждение парламента и принятие конституции, в японском обществе впервые заговорили о классовых требованиях.

Восприятие политического опыта западных стран, которое активнейшим образом шло в период преобразований эпохи Мэйдзи, было неразрывно связано с переводами трудов западных мыслителей.

Это касалось всего спектра духовной культуры, в том числе и социализма. Впервые на японский язык стали переводиться работы европейских мелкобуржуазных и утопических социалистов.

Под влиянием Сен-Симона, Оуэна, Прудона, Лассалья, Фурье в Японии появились буржуазные просветители, например, Садаити Сакума. Он и его товарищи создали журнал «Кокумин-но томо» («Друг простого народа»). В своей типографии Сакума печатал труды Руссо, Смайlsa [2]. Садаити Сакума придерживался чисто экономических идей, успешно вписался в создававшиеся в те годы профсоюзы и стремился направить их силы на сотрудничество с капиталом. Под влиянием его идей стали создаваться и другие реформистские организации.

Первые упоминания идей марксизма в Японии начались примерно в 1880-х гг. Его изучением и распространением тогда занималось всего два журнала, в которых работал выдающийся деятель японского социалистического движения Катаяма Сэн (1869–1933). Катаяма отмечал, что в авторском коллективе этих журналов подавляющее число составляли те, кто подходил к постижению социализма и марксизма с позиций христианства [3]. Не был исключением и сам Катаяма. Одним из таких христианских социалистов был Хиромити Косаки. Он утверждал, что рост народного недовольства вызван как слабостью веры самого народа, так и ретроградностью традиционных японских учений. Как и многие другие христианские социалисты, он считал именно христианство прогрессивным духовным учением, которое необходимо соединить с передовым учением политическим – социализмом [4].

Другим известным японским социалистом, начавшим свой путь с христианства, был литератор Киносита Наоэ. Для него христианство было не религией, а базой этических и общественных взглядов. Сам Киносита признавался, что из всего учения Христа он усвоил только идею братства всех людей [5]. В отличие от своих товарищей Киносита не составлял трактаты, не издавал манифесты, не прописывал политические программы. Будучи литератором, свои идеи он отражал в персонажах своих произведений. И на этом следует остановиться подробнее, чтобы четче понять позицию христианских социалистов.

Так как Киносита был христианином, в его работах герои не приходят к теории классовой борьбы, а обращаются к христианскому всепрощению. Киносита, обрисовывая все тяготы крестьянской жизни, тем не менее не призывал к бунту. Он надеялся на гуманность помещиков, и потому в его книгах не крестьяне выступают двигателем общественного развития, а добросердечные молодые господа и хозяева.

В 1882 г. была предпринята первая попытка создания социалистической политической партии. В этот год была основана Социалистическая партия Востока (Тоё сякайто). Члены этой партии

были пионерами социалистического движения. По этой причине их взгляды в основном представляли собой эклектичную систему из социалистических и анархических идей всех оттенков. Катаяма объяснял это тем, что работы по европейскому анархизму переводились несколько раньше, чем сама социалистическая литература [6].

Впоследствии Катаяма Сэн называл Тоё сякайто «родоначальницей пролетарской партии» [7], под которой он подразумевал Коммунистическую партию Японии, созданную много позже. Однако японские власти не дали Тоё сякайто полноценно развернуть свою деятельность и всего через три месяца существования партия была запрещена. А уже в 1887 г. был издан закон «Об охране порядка». Этот полицейский закон был направлен против распространения социалистических идей. Несмотря на это, попытки создания социалистической партии не прекратились. В 1892 г. была основана Восточная партия свободы (Тоё дзюто), вокруг которой стали группироваться профессиональные и ремесленные организации. В Тоё дзюто, как и во многих прочих левых организациях, преобладали легалистские методы. Однако эта партия стала одной из первых политических организаций, что включили в свою программу пункты о защите бедных, хоть и с оговорками [8].

Интерес к социализму всё рос. В 1896 г. было создано Научное общество по изучению социальной политики (Сякай сэйсаку гаккай), одним из ведущих участников которого стал Катаяма. Основным недостатком этой организации было то, что входившие в нее интеллектуалы были увлечены чисто экономическими вопросами. Отстаивая идеи сотрудничества труда и капитала, члены общества широко использовали антисоциалистическую риторику. В своих выступлениях члены общества критиковали социализм как учение крайне радикальное и потому опасное. Основным путем социалистических преобразований они считали реформизм [9].

В 1897 г. берет свое начало движение за всеобщее избирательное право. Тогда же возникают и первые рабочие организации – «Друзья труда» (Гиюкай) и «Общество для поощрения рабочих союзов» (Нисэйкай). Несмотря на свою, якобы, пролетарскую природу, политико-идеологический курс Гиюкай был пронизан антисоциалистическими настроениями. В листовке, розданной на первом собрании общества, указывалось, что Гиюкай отвергает любые революционные и радикальные действия [10]. Можно сказать, что в идейном плане Гиюкай и Научное общество стояли очень близко.

В том же году начинает выходить газета «Рабочий мир» (Родо сэкай), ставшая фактически печатным органом Гиюкай. В идеологическом плане редакция газеты отталкивалась от опыта американского тред-юнионизма, но вместе с тем уже имели место призывы к кооперативному движению и социализму [11]. В первом

номере газеты разъяснялась её политическая позиция: Родо сэкай выступает против всего, что препятствует общественному прогрессу, даже если этим препятствием является социальный строй. Из этого следовало, что строй, где капиталисты наживаются на бедах и угнетении рабочих, нельзя считать справедливым. Газета заявляла, что она всегда будет поднимать голос протеста во имя прав рабочих. Но уже во втором номере проявилась реформистская направленность идей авторов газеты, в том числе и самого Катаяма. Так как в прошлом заявлении можно было легко усмотреть призыв к смене общественного строя, т.е. фактически к революции, в новом выпуске редакция поспешила заявить, что Родо сэкай не стоит на социалистических, анархических или нигилистических позициях и выступает только за улучшение положения рабочих, возможность дать им образование и укрепить их нравственность [12].

Вместе с идеями мелкобуржуазного и утопического социализма, которые выражались в классовой солидарности, в Японию стали проникать и другие разновидности левой мысли. Многие японские социалисты, как уже отмечалось, начинали свой политический путь с христианского социализма, который привлекал их своей корневой идеей – всеобщим христианским братством. Более радикальная же интеллигенция широко увлекалась бунтарской идеологией российского народничества. В их представлении корень бед Японии лежал в институте монархии, в физическом устранении которого они видели путь к спасению. Забегая немного вперед, отметим, что многое из народнической мысли почерпнут японские анархо-синдикалисты, чьи идеи станут активно распространяться в 1906–1908 гг.

На последнее пятилетие XIX в. приходится заметный рост политической активности рабочих. При сохранении преимущественно экономических требований в рабочей среде постепенно начинает вызревать классовое, т.е. политическое сознание. Это проявилось в возникновении в рамках Научного общества внутренних противоречий. С одной стороны, был Катаяма, который выступал против включения в программный документ Научного общества слов о критике социализма. По его мнению, последнее, о чем должен заботиться социалист, – это согласие с капиталом. С другой – Кумадзо Кувата и Эн Канаи, представлявшие профессорское крыло общества, заявляли, что ради развития экономики рабочие и капиталисты должны быть в сотрудничестве друг с другом, ибо выступают за общенациональное благосостояние. Более того, они отвергали саму вероятность построения бесклассового общества. «Социализм Катаямы» они критиковали как учение, ставящее под угрозу имеющийся государственный строй, т.е. абсолютистскую монархию [13].

Параллельно Научному обществу существовало Общество по изучению социальных проблем (Сякай мондай кэнкокай), чей состав

был намного разнообразнее в идейном плане. Собрания общества посещали как либералы, так и более радикальные социалисты. Однако такой симбиоз оказался нежизнеспособным и вскоре общество прекратило свое существование.

В 1898 г. Катаяма Сэн, Котоку Сюсуй (1871–1911) и Абэ Исоо (1865–1949) создали на базе Общества по изучению социальных проблем новую организацию – Общество по изучению социализма (Сякайсюги кэнкокай). Общество занималось организацией многочисленных акций протеста рабочих в разных городах и регионах, а основная масса его участников придерживалась идей христианского социализма [14].

В 1900 г. Общество по изучению социализма было преобразовано в Социалистическую лигу (Сякайсюги кёкай). В ходе внутренних дискуссий была принята установка, что «только марксизм есть истинная теория». Основными идеологами поворота лиги от идей христианского социализма к марксизму стали Абэ, Катаяма и Котоку [15].

Постепенно все большее число японских социалистов осознавало необходимость наличия в стране пролетарской партии. В Японии 20 мая 1901 г. была создана Социал-демократическая партия Японии (Сякай минсюто). За образец была взята Социал-демократическая партия Германии. В манифесте Сякай минсюто были изложены ее 8 основных принципов: 1) братство всех людей, независимо от их расы и политических убеждений; 2) в целях установления всеобщего мира необходимо сокращать вооружение; 3) ликвидация классового общества; 4) обобществление земли и капитала; 5) обобществление путей сообщения и транспорта; 6) равное распределение богатств; 7) полное политическое равноправие граждан; 8) бесплатное образование за счет государства [16].

Принципы дополнялись 28 требованиями, некоторые из них звучали следующим образом: ограничение детского и женского труда, введение всеобщего избирательного права, отмена реакционных полицейских законов, ликвидация верхней палаты парламента и т. д. [17]. Однако практически сразу Сякай минсюто была запрещена властями.

Причинами роспуска партии послужили некоторые пункты из программы партии: разоружение, проведение референдумов по важнейшим государственным вопросам, упразднение верхней палаты парламента. Парадокс, но параллельно с основанием Сякай минсюто Котоку трудился над своей статьей под названием «Японская демократия». Статья была посвящена не кому-нибудь, а самому императору Мэйдзи. Котоку упорно доказывал, что на самом деле император является поборником демократии. Доказательствами выступили следующие поэтические строки, написанные императором:

Когда облачаюсь
В узорчатую парчу,
Вспоминаю о тех,
У кого нет одежды –
Рукавом от холода заслониться [18].

Следовательно, утверждал Котоку, кто идёт против демократии, тот идёт против воли императора. В творчестве Котоку также просматривается симпатия к раннему периоду правления Мэйдзи. Так, в своей работе «Нация без идеала», написанной в 1900 г., Котоку указывал на то, что революция Мэйдзи была прогрессивным рывком в развитии, в то время как в начале XX в. в развитии Японии стали проявляться негативные черты, такие как: откат к абсолютизму и классовый антагонизм [19]. Исходя из контекста работы, создаётся впечатление, что обе эти проблемы отсутствовали в первые десятилетия правления Мэйдзи. Вернее сказать, Котоку их для себя не выделял. Со временем политические взгляды будут двигаться в сторону всё большей радикализации.

По замечанию Катаяма манифест Сякай минсюто не был марксистским. Вместо теории революционной борьбы в нем отражались идеи буржуазного легализма. Как указывает Катаяма в своей работе «К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии», Абэ Исоо, автор манифеста, впоследствии признался, что текст долго согласовывался с органами полиции [20]. Катаяма же узнал об этом только спустя 30 лет.

Учитывая подобное положение дел, Катаяма задался вопросом: как соединить научный социализм с практикой классовой борьбы? В изданной в 1903 г. книге «Мой социализм» Катаяма писал: «Противоречия между трудом и капиталом неизбежно приведут к столкновению, победителем из которого неизбежно выйдет пролетариат». Там же он указывал, что «исходный пункт социальной революции – захват пролетариатом политической власти» [21].

Постановка такого вопроса и выводы, к которым пришел Катаяма в работе «Мой социализм», демонстрируют постепенное движение Катаяма в сторону марксизма. И все же до ортодоксального понимания учения Маркса Катаяма тогда не дошел. Так, Катаяма считал, что марксистская теория капитала есть простое переложение дарвинизма на экономику. Почти одновременно в свет вышла и работа Котоку под названием «Сущность социализма». В ней Котоку, как и Катаяма, несколько отходит от ортодоксального марксизма. Это проявилось в том, что роль вершителя социалистической революции, по Котоку, принадлежит не рабочему классу, а волевым одиночкам. Причем сама революция должна осуществиться этими энтузиастами мирно и без крови [22].

Большую роль в рабочем движении сыграло Движение простого народа (Хэймин ундо). Его лидерами стали Катаяма Сэн, Котоку Сюсуй, Сакаи Тосихико (1871–1933), Киносита Наоэ (1869–1937), Абэ Исоо, образовавшие в 1903 г. Общество простого народа (Хэйминся). Вскоре общество обзавелось своим печатным органом – «Газетой простого народа» (Хэймин симбун). Целью общества объявлялась пропаганда социалистических идей, а в программе общества были отражены три главные его цели: свобода, равенство, братство. Достижение свободы предполагалось осуществить путем демократии и уничтожения классов; равенства (равного благосостояния) – путем обобществления средств производства и централизованного распределения; всеобщего братства – путем пацифизма, антимилитаризма и утверждения равенства всех стран и народов [23].

В дальнейшем в «Газете простого народа» излагались и другие ключевые идейные положения: простой народ объявлялся самой высшей ценностью, ибо он не имеет ничего; война отвечает интересам только дворян и капиталистов, но не рабочих и крестьян; по отношению к нынешним последователям Конфуция, Будды и Христа отмечалось, что все они отошли от истин своих учений и сбились с пути; социализм объявлялся реальной наукой, а не религией или идеалистической философией. Ряд исследователей считает, что автором этих тезисов являлся Котоку Сюсуй, хотя писались они анонимно [24].

В годы русско-японской войны 1904–1905 гг. только члены Хэйминся заняли открытую пораженческую позицию. Котоку публично провозгласил равенство народов России и Японии. Общество занималось пропагандой социалистических идей в лагерях для пленных русских солдат, а также привлекало к этой деятельности и самих русских пленных и эмигрантов. Антивоенная пропаганда была развернута еще 1903 г. Катаяма и его соратниками. Главным их тезисом было утверждение, что грядущая война с Россией является войной империалистической, а значит, рабочим и крестьянам нечего надеяться на улучшение жизни. Вместо этого их ждет только усиление эксплуатации. В то время как социалисты призывали к миру, чем ближе была война, тем сговорчивее становились либеральные и буржуазные круги [25].

Отражая свою антивоенную повестку, Хэймин симбун выпустила декларацию, которая фактически повторяла Манифест Сякай минсюто. В декларации содержались призывы к пацифизму, космополитизму, сокращению вооружений. Спустя годы Катаяма отмечал, что анализ содержания декларации говорит о том, что она была выдержана, скорее, в духе Толстого, но не Маркса. Влияние толстовства на текст декларации Катаяма просматривается в использовании пространственных фраз и почти полном отсутствии конкретных мер. Поэтому неудивительно, что документ не вызвал

народного интереса. Выходящая из философии Толстова определенная нерешительность проявилась в письме российским трудящимся от 1905 г., где японские социалисты поддерживали стремление к свержению царского правительства, но в то же время опасались нарушения мира. Под последним они понимали вооруженную борьбу [26].

Тем не менее между японскими социалистами и Толстым даже были установлены прямые контакты. Например, в своих письмах Толстой неоднократно высказывал слова благодарности за столь почетное к нему и его идеям отношение в Японии, однако сам социализм он не одобрял и даже жалел, что так много было его сторонников среди японцев. «Ошибочная и призрачная теория», – такую характеристику он дал социалистическим идеям [27].

Влияние Толстого прослеживается и в работах Киносита Наоэ. Русско-японскую войну Киносита видел как столкновение двух деспотий. В своих произведениях Киносита раскрывает идею пацифизма через религиозных персонажей, обращающихся к Священному Писанию как к арбитру всех конфликтов. Толстовское влияние видно и в речах героев Киносита, не признающих авторитета какой-либо церковной организации. Революционная борьба в трудах Киносита теснейшим образом переплетена с христианством через подтексты, а порой и через прямые параллели [28].

Но не все японские левые поддерживали толстовский пацифизм. Некоторые из них проводили «товарищескую критику» толстовства. Примечательна в этом плане статья Котоку «Критика пацифизма Толстого» от 1904 г. Реакция Котоку на идеи Толстого содержала слова уважения к автору за его смелую критику духовного и материального упадка общества. Однако тот путь, который предлагает Толстой в качестве исправления, Котоку отвергает. По его мнению, речи о морали и духовности, сколь критичны бы они ни были по отношению к суровой действительности, остаются плодами идеалистического сознания и заблуждения. Войны проистекают не из-за слабости веры, а из экономической конкуренции государств, утверждал Котоку. В классовой борьбе религиозная проповедь бессильна. Вместо неё все силы необходимо бросить на разработку политической программы действий [29].

Хэймин ундо внесло огромный вклад в рабочее дело, но оно не было в полном смысле социалистическим. В его рядах были сильны позиции реформистов и анархо-синдикалистов. Лидером последних стал Котоку Сюсуй. Он и его соратники полностью разочаровались в парламентской борьбе и требовали перейти к «прямому действию» [30]. Хэймин ундо не было связано с рабочими, не выделяло пролетариат в отдельный класс и фактически больше тяготело к народничеству, чем к социал-демократии западного образца.

Что же представляло собой это «прямое действие» в понимании Котоку Сюсуй? Под «прямым действием» он понимал не столько насильственную революцию или террористический акт, сколько непосредственное участие народа в управлении обществом, без депутатов и парламента. На примере немецких социал-демократов Котоку показывал, что попав в парламент, социалисты начинают быстро перерождаться в мелкобуржуазную партию и прекращают отражать интересы рабочих и крестьян. Котоку конкретизировал практику «прямого действия» на примерах. Например, стачка, забастовка, конфискация еды у богатых во время голода – всё это тоже прямое действие, но не является террором. Установка на «прямое действие», по мнению Котоку, еще не значит одобрение любой формы насилия [31].

Знаковым стал 1905 г. для японской общественной жизни начала XX в. Во-первых, под влиянием революции в России в японской левой прессе участились призывы к международной солидарности трудящихся, а также увеличилось число рабочих акций протеста, активизировалась работа профсоюзных организаций. Во-вторых, победа в войне с Россией принесла Японии неожиданный социальный взрыв: 5 сентября 1905 г. в Токио начались народные протесты против подписания Портсмутского мирного договора.

Больше всего против условий Портсмутского мира протестовали правые национал-патриотические организации. Они подогревали в народе мнение, что продажные бюрократы обманывают императора и вводят его в заблуждение по вопросу установления мира. Правые утверждали, что договор фактически оставляет Японию без плодов своей победы в войне. Токио был охвачен беспорядками: толпа громила лавки торговцев, дома и поместья крупных буржуа и прочих высокопоставленных лиц. Досталось даже христианским миссиям [32].

Народное негодование было велико. К 22 сентября 1905 г. на имя императора поступило в общей сумме 40 петиций, а вскоре их число выросло до нескольких сотен. В 75% из них содержались требования не заключать мирного договора и продолжать войну. На самих митингах протестующие активно принимали резолюции в пользу немедленного продолжения войны. В регионах число подобных резолюций составило более 230 [33]. Эти настроения активно пропагандировались рядом милитаристских и националистических организаций и обществ. Они составляли костяк правых сил, оппозиционных Портсмутскому миру.

Однако, если судить по риторике иностранной и японской печати, рисовавшей протестующих как откровенных бандитов, то закрадывается вопрос: стала бы тогдашняя пресса так высказываться о протестующих, если бы все они радели за величие монархии и божественного императора? Нам кажется, что нет. Если посмотреть на социальный состав, а не на идеологические лозунги протестующих, то

социальную базу волнений составляли неквалифицированные рабочие, рикши, ремесленники, мелкие торговцы, лодочники, городская беднота и т. д. Это подтверждается статистикой арестов, проведенных, когда протесты уже были подавлены. Так, из 2 тыс. арестованных только 308 получили обвинительные приговоры, а именно: 109 рабочих и ремесленников, 55 рикш и извозчиков и прочих категорий населения [34]. То есть из 308 обвиненных больше половины были представителями низших слоев городского пролетариата.

Каков же тогда был характер сентябрьских волнений? Тот факт, что большой ущерб был нанесен имуществу крупных буржуа и близких к ним политиков, позволяет говорить, что к протестам имела отношение и оппозиция слева, представленная широкими демократическими слоями, которые только использовали заключение мира как повод к антиправительственному выступлению. Тяготы войны, стойко переносить которые призывали национал-патриоты, оплачивались ростом эксплуатации рабочих, увеличением цен на товары первой необходимости. Со скорым окончанием войны добавилась другая проблема – угроза массовых увольнений с военных заводов, что привело бы к росту предложения на рынке труда, а значит, и к снижению зарплат.

Например, один из очевидцев сентябрьских событий, Осуги Сакаэ (1885–1923), писал о них примерно следующее: «Народ протестовал не из-за попранных национальных интересов и утраты выгод для японского капитала, а из-за тяжелых экономических условий. Именно успешная война должна была, уверяли все провластные рупоры, решить материальные трудности простого народа. А теперь же, когда эти иллюзии испарились, протест просто вырвался наружу» [35].

Несмотря на то что протесты были подавлены, сентябрьские события 1905 г. все-таки сыграли свою важную роль. Главное значение протестов состоит в том, что было положено начало формированию классового сознания. По причине политической незрелости социалистического движения в те годы всю идеологическую повестку протестов заняли национал-патриотические лозунги. Несмотря на это, наметился хоть и скромный, но все же рост числа забастовок на предприятиях и рабочего движения в целом. Одним из последствий сентябрьских волнений стало образование в 1906 г. Японской социалистической партии (Нихон сякайто).

Программа партии предполагала добиваться установления социализма, но строго в рамках имеющегося закона. Партия активно и порой успешно участвовала в рабочих митингах и забастовках. Однако уже на II партийном съезде в 1907 г., посвященном вопросу об участии социалистов в парламентских выборах, внутри Нихон сякайто выделились три группы: сторонники парламентской борьбы, радикальных действий и компромиссного варианта. Сторонников

парламентаризма возглавлял Тадзоэ Тэцудзи (1875–1908). Компромиссную позицию отражал Сакаи Тосихико. Он признавал парламентский путь в качестве основной формы борьбы, но допускал крайнюю возможность «прямого действия». Все же на деле в идеологическом плане Сакаи склонялся больше анархо-синдикализму [36]. Лидером же радикалов, отвергавших парламентскую форму борьбы, выступил Котоку Сюсуй.

Для выработки единой стратегии действий было решено провести голосование между тремя позициями: Тадзоэ, Котоку и Сакаи. Результаты голосования выглядели следующим образом: позиция Тадзоэ получила всего 2 голоса, Котоку – 22 голоса, а компромиссный вариант Сакаи получил поддержку в виде 28 голосов [37]. Распределение голосов позволяет нам говорить о том, что в руководстве партии сторонников радикальных действий было намного больше, чем сторонников полного ухода в парламентаризм. Хотя тот же самый Котоку в 1904 г. писал, что задачей социалистической партии является взятие власти через парламент [38].

В данном вопросе Катаяма поддерживал позицию Тадзоэ, ибо боялся, что радикализм Котоку вкупе с упором на индивидуальную борьбу энтузиастов приведет к отрыву партии от масс и даст лишний повод для властей обрушить на социалистов очередные репрессии [39].

Ряд сторонников «прямого действия» обвиняли Катаяма в трусости и охранительстве. Действительно, Катаяма в своих речах и работах делал порой чрезмерный акцент на осторожности, а также в ходе ряда рабочих акций протеста часто обращался к правящим кругам с предостережениями о грозящем вооруженном восстании народа. Хотя, разумеется, никакой симпатии к режиму Катаяма не испытывал, в его позиции можно было увидеть нерешительность.

Было вполне ожидаемым, что радикалы становились все более популярными в рядах японских социалистов. Поэтому неудивительно, что большинство последних не поддерживали инициативу Катаяма и Тадзоэ по созданию в 1907 г. Социалистической народной партии Японии (Нихон сякай хэйминто). Во многом это объяснялось тем, что партия выступала за расширение прав рабочих в строгом соответствии с конституцией, хотя Катаяма указывал позднее, что слова эти были использованы как средство маскировки от полиции [40].

Приняв компромиссную стратегию Сакаи, было решено убрать из лозунга о стремлении к социализму пункт «в пределах законности». Были также утверждены лозунги о требовании ввести всеобщее избирательное право и о противодействии экспансии и милитаризму. Несмотря на принятие компромиссного варианта, отношения между сторонниками Котоку, с одной стороны, и Катаяма – с другой, всё больше накалялись. В прессе Котоку высмеивал Катаяма как парламентского социалиста, хотя делал это аккуратно, не указывая напрямую имени лидера парламентаристов. В свою очередь, Катаяма

резко выступал против анархистов. Он даже утверждал, что они находятся ещё дальше от социализма, чем капиталисты [41].

В целях преодоления внутренней раздробленности было решено организовать летом 1907 г. дискуссионный семинар, где обе фракции, «парламентарии» и «радикалы», высказали бы свои идеи о будущей борьбе. Однако семинар показал, что фракционная борьба только обостряется. Например, Ямакава Хитоси (1880–1958), один из видных сторонников Котоку, объявлял «государственным социализмом» все идеи Катаяма по сплочению профсоюзного движения, а борьбу рабочих за улучшение своего положения – «экономизмом» [42].

В августе-сентябре 1907 г. две группировки окончательно разошлись и создали свои фракционные объединения. Катаяма и Тадзоэ сформировали Социалистическое товарищество (Сякайсюги досикай), которое должно было ориентироваться на практическую деятельность и стать в некотором роде заменой полноценной партии, которую создать так и не удавалось. Идеологи же «прямого действия» (Котоку, Сакаи, Ямакава и др.) объединились в Социалистическое общество пятницы (Сякайсюги кинъёкай).

Вскоре уже внутри «парламентской» фракции начались распри. Нисикава Кодзиро, давний соратник Катаяма и Тадзоэ, в 1908 г. инициировал заочное исключение Катаяма из Сякайсюги досикай, объявив его фигуру преградой эффективной деятельности общества [43]. Примечательно, что группа Котоку – Сакаи заняла нейтральную позицию в этом вопросе. Внутренний кризис «парламентской фракции» в 1908 г. усугубился смертью одного из ее основных идеологов – Тадзоэ.

Вообще стоит отметить, что до 1902–1903 гг. роль в социалистическом движении Котоку Сюсуй, Абэ Исоо, Киносита Наоэ и многих других оценивалась как сторонняя и второстепенная. Грубо говоря, их воспринимали как пламенных заводил на крупных митингах. Но, как отмечает Катаяма, именно с этого времени фигуры Котоку и Сакаи становятся популярными и занимают все более значительное положение в социалистическом движении [44]. Наблюдался рост левых настроений среди интеллигенции. Но рабочее движение все больше замыкалось внутри себя, отрываясь от народных масс, которые подвергались постоянной национал-патриотической пропаганде.

Второй съезд Нихон сякайто показал, что партия представляет собой очень хрупкую коалицию из социалистов и анархо-синдикалистов. Неудивительно, что уже в 1908 г. партия была распущена. С распадом Нихон сякайто две группы продолжили борьбу между собой. Сторонники парламентского пути развития сгруппировались вокруг Катаяма и журнала «Сякай симбун», в то время как радикалы (анархо-синдикалисты), лидерами которых выступили Котоку Сюсуй и Сакаи Тосихико, объединились на базе

журнала «Осака хэймин». Первая группа, также именуемая «мягкими», продолжала верить в действенность парламентского метода при существующем режиме. Группа Котоку, или «твердые», отвергали массовость и организацию. Они в качестве основного метода борьбы видели разовые акции энтузиастов-одиночек.

Размежевание затронуло не только сторонников «прямого действия» и парламентаризма. Из среды японских левых выделилась группа так называемых государственных социалистов, образовавших Государственно-социалистическую партию (Кокка сякайто). Партия ставила своей целью проведение социальных реформ силами государства, но без затрагивания основ существующего строя [45]. К обособлению стремились и христианские социалисты, лидерами которых выступили Абэ и Киносита. Данная группа, однако, не стала формировать своей партии, а объединилась на базе созданной газеты «Новая эра».

Размежевание японских социалистов, как правило, шло в направлении парламентаризма. Но здесь было два пути: в сторону радикализации или же в сторону реакции. В первые годы XX в. большей активностью отличались именно радикалы. В 1908 г. произошел инцидент, получивший название «Демонстрация с красными флагами». Акция была организована анархо-синдикалистами. Проведение демонстрации повлекло за собой новую волну арестов. Среди задержанных оказались и видные японские левые, такие как Сакаи Тосихико, Осуги Сакаэ, Ямакава Хитоси, Канно Суга (1881–1911). Всего было арестовано 15 человек [46]. Однако этот инцидент вместе с ростом революционных настроений в России привел к еще большему росту популярности радикальных настроений среди японских социалистов. Виновником всего был объявлен лично император.

Распространение было настолько значительным, что затронуло даже буддийское духовенство. Наиболее демократически мыслящие буддийские монахи составили немногочисленные группы «анархо-буддистов». Самым знаменитым представителем этого течения был Утияма Гудо (1874–1911).

Утияма был представителем буддийской школы Сото Дзэн. Толчком к радикализации взглядов стали его размышления о том, что собой должна представлять правильная жизнь для буддиста. В итоге он свёл всё к двум основным пунктам: 1) жизнь в буддийской общине (коллективизм); 2) жизнь без частной собственности (социализм) [47]. В 1900-е гг. Утияма познакомился с трудами европейских анархистов. В итоге он объявил себя анархо-социалистом и провозгласил родственную природу идей буддизма и социализма. Так, в 1904 г. он, опираясь на буддийские священные тексты, писал: «Как пропагандист буддизма я учу, что “все живые существа обладают природой Будды” и что “внутри Дхармы (буддийского учения) есть равенство, без

высшего и низшего”. Более того, я учу, что “все живые существа – мои дети”. Взяв эти золотые слова за основу своей веры, я обнаружил, что они полностью согласуются с принципами социализма. Так я поверил в социализм». Далее Утияма отмечал, что только совершенный мудрец, облеченный всенародным доверием, может управлять государством, что фактически подразумевает избираемость власти. В своих трудах он писал о том, что абсолютная власть противоречит гуманизму, и ее надо ограничивать или бойкотировать [48].

В 1908 г. Утияма напечатал около тысячи экземпляров своей революционной брошюры и отправился в офис «Хэйминся». Прежде всего он обратился за поддержкой к ведущему японскому «радикалу», анархо-синдикалисту Котоку Сюсуй, однако тот по причине пристальной полицейской слежки отказал монаху. Тогда Утияма самолично стал разносить свою брошюру по адресам наиболее активных участников общества. До конца неизвестно, что было написано в этой брошюре, но степень ее революционности можно косвенно определить по тому, что большинство получивших ее людей спешили ее сжечь. По крайней мере, такие сведения фигурировали в рамках уголовного дела, в котором оказался замешан Утияма [49].

В рядах «Хэйминся» набирало силу радикальное революционное крыло. Группа членов общества, в том числе и вдохновившиеся брошюрой Утияма, стали готовить заговор с целью убийства японского императора Мэйдзи. Его планировали уничтожить бомбой по примеру убийства Александра II. К несчастью заговорщиков, японская полиция раскрыла их планы. С 1909 г. начались аресты наиболее радикальных участников и сторонников общества, и уже к следующему году таковые были задержаны. Среди них был и Утияма Гудо [50].

Идеи Утияма повлияли на главных зачинщиков заговора – Маясита Такити и Канно Суга. Сам же Котоку, их идейный лидер, относился к террору осторожно. Канно же, бывшая ему супругой, стояла на более радикальных позициях. Она заявляла, что император – это главарь бандитов и грабителей простого народа.

Однако заговор был раскрыт, в 1911 г. Котоку Сюсуй, Канно Суга, Утияма Гудо и другие были приговорены к смертной казни через повешенье. Всего было казнено 12 человек, еще 12 смертный приговор был заменен бессрочной каторгой, двое получили разные сроки тюремного заключения [51]. После этого дела, получившего название «Дело об оскорблении трона», в стране начались репрессии против левого движения. В массовом порядке проводились аресты, закрывались общества и газеты. Повезло тем социалистам, которые продолжали отбывать заключение по делу о «Демонстрации с красными флагами», например Сакаи Тосихико и Осуги Сакаэ.

После 1911 г. в социалистическом движении начался спад. Катаяма писал, что часть деятелей была убита, часть ушла из борьбы,

часть была запугана. Например, Киносита Наоэ, разочаровавшись одновременно и в христианстве, и в политике, переключил свое внимание со свободы общественной на свободу личную. Для обретения этой свободы он даже вступил в буддийскую секту [52].

Власти с успехом принялись громить социалистические кружки и организации. В стране продолжили работу только разрозненные группы интеллигентов анархического толка. Разгром ядра радикалов привел к тому, что на политической арене из двух групп складывающегося коммунистического движения остались только сторонники Катаяма. По оценке Катаяма, изъяном анархистов было то, что они только использовали красивые фразы и лозунги и жёстко проходились по правящему режиму. Однако дальше резких заявлений дело не шло [53].

Анализ развития социалистического движения в Японии на рубеже XIX–XX вв. позволяет выделить ряд характерных черт. В Японии отсутствовало эволюционное развитие левых идей от социал-утопизма до анархизма и марксизма. Японские интеллектуалы почти одновременно знакомились со всем наследием социалистической мысли. Такова причина пёстрого состава японских левых в идейном плане. Стремительное усвоение западных политических учений порождало столь же стремительное развитие идей японских социалистов. Идеологическое разнообразие, объясняемое молодостью социализма в Японии, породило одну из основных проблем в японском левом движении, которая останется нерешенной многие десятилетия, – фракционизм. Японские социалисты конца XIX – начала XX в., хоть и являли примеры эффективного участия в рабочем движении, так и не смогли создать единого фронта.

Библиографические ссылки

1. Вартаньян Э.Г. Интеграционные процессы в культурах стран Запада и Востока. Краснодар, 2013. С. 85.
2. Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения в Японии. М., 1979. С. 33.
3. Катаяма С. К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии. М., 1960. С. 7.
4. Там же.
5. Иванова Г.Д. Дело об оскорблении трона. М., 1972. С. 139.
6. Сенаторов А.И. Сэн Катаяма. Научная биография. М., 1988. С. 86.
7. Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения... С. 34.
8. Гольдберг Д.И. Очерки истории рабочего и социалистического движения в Японии (1868–1908 гг.). М., 1976. С. 48.
9. Сенаторов А.И. Сэн Катаяма. Научная биография. С. 66.
10. Там же. С. 51.
11. Катаяма С. Моя жизнь. М., 1926. С. 38.
12. Сенаторов А.И. Сэн Катаяма. Научная биография. С. 56.

13. Там же. С. 57.
14. Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения... С. 39.
15. Сенаторов А.И. Сэн Катаяма. Научная биография. С. 74.
16. Гольдберг Д.И. Очерки истории рабочего и социалистического движения в Японии (1868–1908 гг.). С. 90.
17. Катаяма С. К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии. С. 11.
18. Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М., 2009. С. 431.
19. Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения... С. 184.
20. Катаяма С. К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии. С. 13.
21. Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения... С. 42.
22. Сенаторов А.И. Сэн Катаяма. Научная биография. С. 96.
23. Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения... С. 42.
24. Иванова Г.Д. Дело об оскорблении трона. С. 37–40.
25. Катаяма С. К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии. С. 16.
26. Там же. С. 17.
27. Иванова Г.Д. Дело об оскорблении трона. С. 47.
28. Там же. С. 147.
29. Гольдберг Д.И. Очерки истории рабочего и социалистического движения в Японии (1868– 908 гг.). С. 136.
30. Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения... С. 46.
31. Иванова Г.Д. Дело об оскорблении трона.
32. Гольдберг Д.И. Из истории революционного движения в Японии (Сентябрьские волнения 1905 года). Л., 1968. С. 12.
33. Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. С. 462.
34. Гольдберг Д.И. Из истории революционного движения в Японии (Сентябрьские волнения 1905 года). С. 15.
35. Там же. С. 33.
36. Катаяма С. Моя жизнь. С. 58.
37. Там же. С. 59.
38. Иванова Г.Д. Дело об оскорблении трона. С. 44.
39. Сенаторов А.И. Сэн Катаяма. Научная биография. С. 125.
40. Там же. С. 127.
41. Иванова Г.Д. Дело об оскорблении трона. С. 48.
42. Сенаторов А.И. Сэн Катаяма. Научная биография. С. 133.
43. Там же. С. 134.
44. Катаяма С. Моя жизнь. С. 44–45.
45. Сенаторов А.И. Сэн Катаяма. Научная биография. С. 120.
46. Гольдберг Д.И. Очерки истории рабочего и социалистического движения в Японии (1868–1908 гг.). С. 230.
47. Иванова Г.Д. Дело об оскорблении трона. С. 93.

48. Там же.
49. Там же. С. 94.
50. Там же. С. 95.
51. Сенаторов А.И. Сэн Катаяма. Научная биография. С. 137.
52. Иванова Г.Д. Дело об оскорблении трона. С. 157.
53. Катаяма С. Моя жизнь. С. 66.

ЦЕРКОВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И СУДЬБА РЕЛИГИОЗНЫХ ЗДАНИЙ В СТАНИЦЕ СЛАВЯНСКОЙ В XX в.

А.П. Радионов

Кубанский институт профессионального образования
350042, г. Краснодар, ул. Садовая 218
info@vkipo.ru

Статья посвящена локальной истории церковного строительства в станице Славянской, бывшей до революции центром Темрюкского (с 1910 г. – Таманского) отдела. Благодаря введению в научный оборот ранее неизвестных документов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Краснодарского края раскрываются все события, связанные со стремлением станичного общества полноценно удовлетворять свои духовные потребности. Показана судьба религиозных зданий в советский период.

Ключевые слова: религия, храм, церковь, монастырь, часовня, станичный сбор, духовенство.

Церковная история станицы Славянской долгие годы была слабо изучена. Между тем благодаря публикациям последних лет [1] в этой области знаний белых пятен становится всё меньше. Цель данной статьи – пролить свет на наименее изученные факты строительства и судьбу новых религиозных зданий в станице Славянской, что весьма актуально, поскольку некоторые данные на этот счет весьма противоречивы.

К началу XX в. потребность в новых религиозных зданиях для станицы стала насущной. Деревянная Свято-Пантелеймоновская церковь была уже мала для значительно возросшей численности населения. Для сравнения: если в 1879 г. численность станичников составляла 2 491 человек [2], то в 1912 г. их было уже 21 314 [3]. Если в 1879 г. рождаемость и смертность были 257 и 112 соответственно [4], то в 1912 году – 1123 и 450 [5]. Причем рождаемость выше тысячи младенцев впервые была зафиксирована еще в 1902 г. [6]. То есть в начале XX в. за один день в среднем совершалось крещение троих новорожденных и отпевание одного-двух усопших, не говоря уже о венчании. Неслучайно именно в 1902 г. в связи с этим в Пантелеймоновской церкви пополнился состав клира: священниками – Павлом Завгородним и Виталием Климентовым, а также псаломщиком Алексеем Виноградовым [7]. В 1905 г. к ним присоединился священник Симеон Почаевский [8].

Несмотря на это, единственная в станице церковь в скорой перспективе могла вскоре не справиться с потоком желающих осуществить свои религиозные нужды. Неудобства могли проявляться из-за плотности графика: накладка по времени, например, в венчании

молодоженов и отпевании усопших. Одна процессия легко могла пересечься с другой, что не сулило по народным поверьям ничего хорошего. О таких сюжетах судачили в Славянске-на-Кубани ещё в начале 2000-х гг. В городе на тот момент, также как и веком ранее в станице, действовала только одна церковь, пока на Новом кладбище не построили новый Свято-Пантелеймоновский храм, что разделило потоки разных процессий, весьма возросшие после падения атеистической идеологии прежнего строя.

Станица Славянская все больше расширялась, и в плохую погоду добираться в центр по непролазной грязи, особенно с окраин, было настоящим испытанием, несмотря на то, что к началу XX в. заощенными частично были улицы Красная, Школьная и Набережная [9].

Возникает вопрос: почему станичное общество не озаботилось строительством новых храмов в самом начале 1900-х гг.? Решить этот вопрос первоначально пытались не местные власти, а простые граждане. За пару дней до Покрова Пресвятой Богородицы, 12 октября 1902 г. на имя славянского станичного атамана было написано заявление от монахини Антонии (она же казачка Варвара Колпакова, урожденная Браткова) и послушницы её Стрельцовой Александры: «Посвятив себя на служение Богу, первая из нас, как жительница станицы Славянской, желая увековечить память в среде своих односельчан, возымели благое намерение открыть в станице Славянской на приобретенном нами полковом месте Богодельню для призрения безродных и престарелых лиц, с устройством при ней домово́й церкви в честь Иверской Божьей Матери, для чего нами будут произведены постройки на собственные наши средства и к помощи общества мы прибегать не будем. Равным образом мы на свои личные средства принимаем оборудование и полное содержание Богодельни» [10].

Спустя год, 12 октября 1903 г. славянским станичным обществом был дан приговор, удовлетворяющий эту просьбу. В другом своем заявлении, поданном на имя станичного атамана 27 октября 1903 г., эти же просительницы указывают: «Для помещения Богодельни, я, монахиня Антония, имею собственный дом саманной постройки, на кирпичном фундаменте, под железной крышей, о пяти комнатах, на деревянных полах, с кухней, а для общежития мы предполагаем купить расположенный дом казака Степана Худолия, вновь выстроенный, турлучной постройки, под черепичной крышей, о четырех комнатах, на продажу которого изъявлено согласие Худолия. Постройки находятся в станице Славянской, недалеко от Ярмарочной площади. ...В обеспечение как содержания Богодельни, так и постройки домово́й церкви мы имеем 10 тысяч рублей наличного капитала. Кроме этого мы имеем полную надежду на поддержку

известных нам крупных благотворителей и уповаем на помощь Всевышнего» [11].

В ответ на это станичный атаман уже 1 ноября отправил документы на утверждение в Кубанское областное правление. Из Екатеринодара 30 ноября пришёл ответ: «Если просительницы укажут источник дохода на процент с которого можно будет содержать то число призреваемых, на которое предполагается открыть Богодельню и при этом содержать их во всем согласно существующих на этот предмет статей закона, то предложить им составить устав Богодельни» [12].

Получив этот документ, 5 марта 1904 г. монахиня Антония пишет расписку в том, что «на условиях, изложенных в надписи № 4931, об открытии благотворительного заведения мы отказываемся» [13].

В результате станица Славянская лишилась очень нужного для себя в духовном и социальном плане заведения. К сожалению, ещё одной потерей было так и не открытое славянское подворье Драндского монастыря. Благодаря исследователю Владимиру Игоревичу Тимофееву удалось установить факт противодействия священника отца Виталия Климентова появлению в станице Славянской монастырского подворья.

Вопрос о его открытии был поднят на станичном собрании еще 3 ноября 1906 г. заявлением казака станицы Славянской Алексея Сергеевича Игнатенко, «в коем он заявляет, что жертвует в пользу Драндского монастыря постройки находящиеся на плановом месте принадлежащему обществу станицы Славянской и находящиеся в сей станице в границах, с лицевой стороны; реки Протоки, с правой стороны при входе во двор имение Степана Игнатенко, с левой улица не имеющая названия и сзади имение Платона Зуболия в длину с обеих сторон по 27 сажень и ширину 26 сажень. Постановили: На пользование названным подворьем Драндского монастыря со своей стороны препятствий не встречаем» [14].

После получения разрешения от славянского станичного общества начинается процесс сбора пожертвований, на которые была оборудована домовая церковь, «был сооружен иконостас с утварью, уплаченный в несколько тысяч рублей, сооружены необходимое для монастырского подворья постройки. Общество станицы Славянской приговором своим в 1910 году просило Преосвященного Архиепископа Ставропольского и Екатеринодарского о посвящении устроенного божественного храма для службы православной религии» [15].

События, последовавшие далее, достойны детективного расследования, ибо если верить прошению, поданному на имя самого императора Николая II, «Епископ Агафодор просьбу общества в части утверждения монастыря отклонил, издав свой указ, коим

предписывалось местному Славянскому причту Пантелеймоновской церкви состоящему из 3-х священников совершать по очереди между собой богослужение в Монастыре. Богослужение совершалось не долго: Священство, найдя, что монастырь находится всего в 1½ верстах от Пантелеймоновской церкви, решило монастырь упразднить и священник настоятель Пантелеймоновской церкви отец Виталий Климентов без разрешения общества, а также всех вкладчиков по сооружению этого монастыря, самоуправно продал иконостас Киевскому селению и вообще всю обстановку за очень низкую цену и куда употребил эти деньги никому не известно; подворье же стоит и приходит к разорению, требующему ремонта. В нынешнем же году тот же отец Виталий снял кресты построек. Жалобы на продажу иконостаса и вообще на притеснение нами подаваемо не было в виду того, что с 1910 года все наши просьбы об открытии вновь Драндовского монастыря не возымели никакого результата, просим:

1) об открытии и утверждении Драндовского монастыря со своим причтом, причем все расходы жители Темрюкского отдела Кубанской области принимаем на себя;

2) о воспреещении отцу Виталию касаться построек монастыря;

3) деяния Настоятеля Пантелеймоновской церкви отца Виталия Клементьева, ...принять на усмотрение Вашего Императорского Величества» [16].

В результате бюрократическая переписка по этому поводу затянулась на годы. Так, в частности, в памятной записке Ставропольской Духовной Консистории от 3 октября 1916 г. указано, что «неоднократные ходатайства об открытии подворья и об освящении церкви не получили удовлетворения только потому, что местный священник о. Виталий, пользуясь своими родственными связями с Преосвященным Агафодором, Епископом Ставропольским, всеми способами тормозил желание прихожан дойдя до того, что ночью, тайно, увез из церкви иконостас и продал его за 1500 р., а также снял и крест с церкви. В виду этого жители ст. Славянской и др., чрез своего уполномоченного Михаила Осадчаго, в конце Июля с/г., подали на Высочайшее Имя прошение о разрешении открыть подворье и освятить церковь» [17].

Обвиненная сторона, разумеется, используя «административный ресурс», пыталась переиграть вопрос в свою пользу, называя возведенные постройки самовольными и потому не имеющими права на существование.

Ситуация разрешилась в итоге не в пользу потерпевшей стороны, ибо определением Святейшего Правительствующего Синода № 4445 от 12 июля 1917 г. было решено, что «не усматривая со своей стороны оснований к отмене состоявшихся постановлений Ставропольского и Сухумского Епархиальных Начальств по делу о

закрытии *самовольно устроенного* монахом Успенско-Драндского монастыря Геннадием подворья названного монастыря в станице Славянской, Кубанской области, Святейший Синод определяет: вышеупомянутые прошения именующих себя уполномоченными от казаков ст. Славянской, Кубанской обл., Михаила Осадчаго и монахини Маргариты оставить без последствий; о чем и послать указы Преосвященным Ставропольскому и Сухумскому (*указ Кавказскому Окт. 11 дня 1917 № 458 и Сухумскому № 960*)» [18].

Таким образом, проект монастырского подворья в станице Славянской не получил своего дальнейшего развития. В память об этом стремлении в станице осталась улица Монастырская, которая носила свое имя ещё в начале 1920-х гг.

Параллельно с проблемным строительством монастырского подворья идёт активный сбор средств на реализацию других проектов. Исследователем Евгением Анатольевичем Олефиром, который провел детальную историческую реконструкцию казачьих лагерей станицы Славянской, установлено, что «на территории поселка Совхозного, в районе современного переулка Розового, была расположена действующая часовня, где осуществлялись службы и молебны... каменная часовня, очень красивая по наружному виду, и благолепно обставленная образами внутри ...удалось выяснить, что часовня воздвигнута по инициативе бывшего командующего 9 Кубанским пластунским батальоном полковника Зиньковского, “собравшего пожертвования от разных лиц 1909 рублей, а также дополнительно было пожертвовано из лагерных сумм 1000 рублей”. В отчете генерал-майора Кияшко обозначается, что казаки беспрерывно посещают часовню в свободное от занятий время. Перед воскресными днями и большими праздниками местным священником совершаются всенощные службы, которые являются духовной потребностью казаков» [19].

Славянский станичный сбор активно продвигал идею сооружения новых храмов. Например, по состоянию на 1908 г. в станице Славянской уже было определено место для будущего Николаевского храма, которое в документах именуется «новой церковной площадью» [20]. Однако строительство там не велось годами.

Возможно, причиной этому было противодействие духовенства, которое боялось потерять доходы церковной кассы из-за перераспределения потоков верующих. Не случайно как один из аргументов для удовлетворения прошения об открытии богадельни еще в 1902 г. монахиня Антония указывала, что это «не приведет к сокращению доходов местного духовенства т.к. требоправление в нашей домовой церкви производиться не будут» [21]. В то же самое время монастырское подворье Драндского монастыря, будь оно открыто, скорее всего, не могло бы существовать на таких условиях и

стало бы прямым конкурентом Пантелеймоновской церкви, ввиду еще и близкого расположения к ней.

Как известно, новых храмов в станице Славянской было построено два: Свято-Успенский храм и несохранившийся до наших дней Николаевский собор. Среди опубликованной литературы информацию о несуществующем ныне Свято-Николаевском храме можно встретить в первой книге краеведческих очерков Н.А. Андрияш: «Николаевский собор – самая новая церковь в станице. К сожалению, не сохранилось фотоснимков этого величественного здания из красного кирпича, пострадавшего в годы Великой Отечественной войны» [22] (курсив наш. – А.П.). В отношении времени строительства автор ограничивается фразой: «Построили в Славянской незадолго до 1917 г. на Николаевской площади еще один храм – Николаевский собор» [23]. Текст книги бывшего директора Славянского историко-краеведческого музея базировался в том числе на более ранних исследованиях, проведенных сотрудниками Государственного архива Краснодарского края А.С. Азаренковой (старший научный сотрудник) и А.А. Прохоровой (директор архива), результаты их были опубликованы в местной районной газете [24]. Между тем многие факты церковной истории нынешнего Славянска-на-Кубани из книги Н.А. Андрияш при отсутствии ссылок на источники в итоге стали хрестоматийными.

Другие авторы называют более определенные даты: 1914 [25] и 1915 гг. [26]. Опять же без ссылок на источники. В последнем справочном издании, выпущенном к 95-летию со дня образования Славянского района, временем окончания строительства Николаевской церкви также указан 1915 г. [27].

Разночтения в сведениях о строительстве есть и относительно Свято-Успенского храма, столетие которого уже успели отпраздновать в 2012 г. [28]. Местное Славянское телевидение в 2017 г. сообщало о праздновании 110-й годовщины храма Успения [29], имея в виду данные о том, что открылся он в 1912 г., а «основание храма было заложено в 1907 г.» [30]. Некоторые издания и вовсе уверяют, что в 1907 г. Свято-Успенский храм уже был построен [31]!

Решению вопроса о времени строительства храмов могут помочь «Ставропольские епархиальные ведомости» – главный печатный орган Ставропольской и Екатеринодарской епархии, который содержит сведения о наиболее ярких событиях епархиальной жизни. Однако на его страницах полное молчание в предреволюционные годы как о строительстве и освящении двух славянских храмов, так и о перемещении священников и диаконов на вновь открытые вакантные места. Если два новых храма в станице Славянской также были освящены в 1915–1916 гг., то информация об этом событии могла сохраниться в «Клировых ведомостях» Государственного архива Ставропольского края [32]. Однако в фонде

135 «Ставропольская духовная консистория» сохранились только данные по Свято-Пантелеймоновскому храму.



Областной архитектор А.П. Косякин

Между тем Виталий Петрович Бардадым сообщает, что в 1912 г. архитектор А.П. Косякин только получил новые заказы из станиц Казанской и Славянской и что «казаки одновременно возводили по две церкви в каждой станице» [33]. Этот факт подтверждает газета «Кубанские областные ведомости», в которой говорится, что в станице Славянской 15 июля 1912 г. состоялись торги на строительство двух каменных церквей [34]. Однако на официальном сайте Свято-Успенского храма читаем: «Строительство храма Успения Пресвятой Богородицы было начато в 1907 году и закончено в 1912» [35]. Очевидно, что эта информация не соответствует действительности, так как торжественная закладка двух кирпичных храмов состоялась только 2 сентября 1912 г. Подрядчиками в строительстве по проекту А.П. Косякина были Завгородний и Менциони [36].

Газета «Кубанские областные ведомости», сообщившая о закладке двух храмов в станице Славянской, совершенно молчит об их освящении в 1915–1916 гг., зато в ранее описанном деле, посвященном основанию славянского подворья Драндского монастыря, есть документ, датированный 3 октября 1916 г, в котором, в частности, говорится: «Жители Славянской и др. окрестных станиц, Кубанской

обл., насчитывая около 40 тыс. жителей и будучи крайне стеснены в удовлетворении своих духовных нужд за недостаточностью существующей приходской церкви, возбудили ходатайство об открытии в ст. Славянской подворья Драндовского монастыря, для чего на принесенной в дар земле выстроили на собственные средства церковь со всей необходимой утварью» [37].



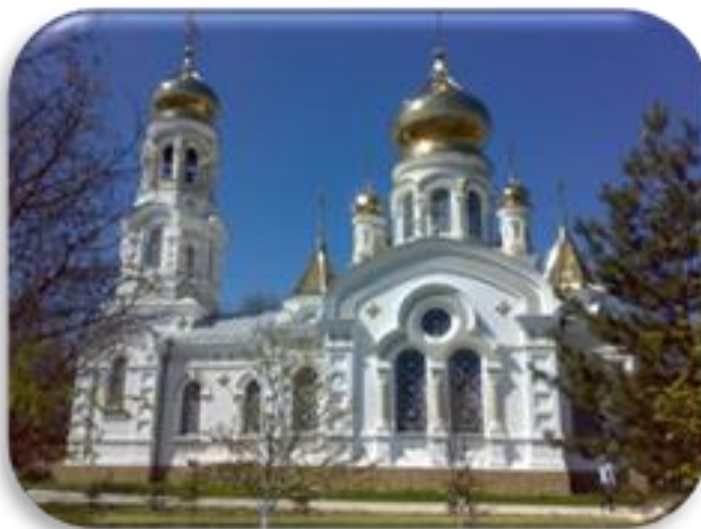
Николаевская площадь ст-цы Славянской, из фондов Славянского историко-краеведческого музея. Фото сделано, вероятно, в день закладки Николаевского собора

Таким образом, по имеющимся данным, по состоянию на осень 1916 г. в станице Славянской была только одна церковь. Вероятно, процесс строительства новых храмов тормозился из-за отсутствия денег в местной казне. Одной из главных проблем в этот период для администрации было отсутствие собственного здания управления Таманского отдела, строительство которого началось не в 1902 [38], а лишь в 1914 г. Причем для завершения строительства, на которое было выделено 63 892 р., потребовались дополнительные средства в размере 28 379 р., которые были получены ввиду «сильно непомерного повышения цен на все строительные материалы и рабочие руки» [39]. То есть общая сумма затрат составила 92 271 р. С дороговизной, очевидно, столкнулись и при строительстве храмов, на которые было

выделено 160 000 р. [40]. То есть сумма 80 тыс. рублей на сооружение одного храма могла в условиях инфляции легко увеличиться и перешагнуть рубеж в 100 тыс. р. для окончательного завершения стройки. В результате этот процесс мог затянуться не на один год. Когда же появились новые храмы в станице Славянской?

В Славянском районном архиве сохранилось две метрические книги Свято-Успенского храма за 1919 [41] и 1920 гг. Их данные важны. Первая запись о крещении новорожденного за 1919 г. зафиксирована в церкви Успения только 19 февраля, а первая запись об отпевании усопшего – 17 февраля. Первый обряд венчания был проведен и того позднее – 14 апреля. Учитывая отсутствие признаков вырванных листов в книге, это может говорить о том, что позднее время записи церковных обрядов может быть обусловлено тем, что храм не работал ввиду отсутствия священнослужителей.

Служивший в Успенском храме отец Иоанн (Клушин), которого можно смело считать одним из первых клириков нового прихода, в станице Славянской ранее не был. Его назначили в порядке перевода в 1919 г. [42]. Факт его появления объясняется просьбой самих жителей, которые 13 декабря 1918 г. за подписью атамана отдела отправляют телеграмму атаману А.П. Филимонову, в которой «просят о назначении в Успенскую церковь возвратившегося с фронта военного священника протоиерея Николая Иконникова» [43]. Копии приговора сбора и постановления прихожан были также направлены епископам в епархиальный совет. Прошение, как видим, было удовлетворено, только в лице присланного о. Иоанна (Клушина). Таким образом, исходя из имеющихся данных, открытие храмов, вероятно, состоялось не ранее августа 1918 г., т.е. после установления власти «белых» в станице Славянской.



Свято-Успенский храм

На Кубани в 1920 г., после установления советской власти, немногим позже остальных регионов страны начнется процесс реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», вступивший в силу 23 января (по старому стилю) 1918 г. Он провозглашал свободу совести, заменял церковное венчание в храме гражданской регистрацией брака, запрещал преподавание религиозных дисциплин в светских учебных заведениях, а также лишал церковь права владеть имуществом и статуса юридического лица [44]. В связи с этим у московского патриархата вскоре было отобрано более пяти тысяч храмов и монастырей [45]. Новое руководство в Кремле полагало, что оно разом покончит с Церковью, попросту лишив ее собственности, а в следствие этого – былого влияния на народные массы. В соответствии с названным декретом храмами могли заведовать общины верующих, которые прошли регистрацию в местных органах власти. От них община получала по договору в бесплатное пользование «молитвенные здания и предметы, предназначенные для культовых целей» [46].



Николаевский собор. Художник С.Б. Волосянов

В мае 1923 г. Отдел управления Славянского исполкома рассылает циркуляр всем Волисполкомам: «Если имеются в Исполкоме случаи отказа групп верующих представить описание церковного имущества или подписать договор, Отуправ разъясняет: если лица, в фактическом обладании коих находится вероисповедное имущество, отказываются предоставить описание его, представитель местного исполкома или совета должен, по статье 7-й декрета об отделении церкви от государства, в присутствии свидетелей местных жителей произвести фактическую проверку этого имущества и

составить опись его. Если не окажется лиц, согласных взять имущество для религиозного пользования и подписать договор, то согласно ст. 2 того же декрета, об этом публикуется в местных газетах троекратно и вывешивается объявление на дверях храма. Если по прошествии недели со времени последней публикации не поступит заявление о желании взять на указанных основаниях имущество, то местный исполком закрывает храм, а религиозное имущество передает в другие церкви по договору, а здание может использовать для культурно-просветительных целей» [47].

Весьма вероятно, что в станице Славянской в соответствии с этими директивами не нашлось группы верующих, которые взяли бы по договору в пользование Николаевский храм. Это объясняет то, почему станичный исполком по запросу Славянского отдела управления в 1921 г. указал, что «церквей в станице имеется две, во Имя Святого Пантелеймона... и во Имя Успения Пресвятой Богородицы» [48].

Можно предположить, что Николаевского храма к тому времени уже не существовало, что он был разрушен или сильно пострадал в период Гражданской войны. Однако это предположение опровергает документ краевого архива от 1923 г., в котором подробно расписан план проведения 9-го Международного юношеского дня: «2-го сентября в 10 часов утра – сбор парт. и проф. организаций на площади против бывшей мужской гимназии. Оттуда все организовано под духовой оркестр движутся на площадь около Николаевской церкви» [49]. Таким образом, в 1920-е гг. храм существовал, но, вероятно, в первой половине десятилетия не функционировал, а использовался для культурно-просветительских целей в духе новой советской идеологии.

Исследователь Елена Сабур после беседы с одним из коренных жителей города Славянска-на-Кубани, передала устные свидетельства о том, что Николаевская церковь была просто недостроена. Это версия объясняет отсутствие информации о храме в разного рода источниках.

Между тем из общения с Марфой Борисовной Колпак (Татьяненко), 1928 г. р., стало известно, что она была крещена в Николаевском храме [50]. Местный житель Славянска-на-Кубани, Сергей Иванович Балаценко, вспоминает: «Еще до войны у нас жива была прабабушка. Из окон её дома была видна Николаевская площадь и было видно храм. Дом располагался на углу Батарейной и Комсомольской. Отца моего крестили в Николаевской церкви в 1933 году. Еще в 1933 году этот храм стоял и он работал» [51]. На основе этого свидетельства можно предположить, что церковь функционировала в течение нескольких лет перед самым своим разрушением. Возможно, что ответственная группа верующих, которая зарегистрировалась и способствовала открытию пусть даже и не достроенного храма, нашлась в середине 1920-х гг. Помимо уточнения

этого момента осталось решить вопросы, связанные с местом расположения храма, материала, из которого он был построен, и времени его разрушения.

В отношении места расположения храма утвердилось мнение, что «находилось это здание в районе нынешних магазинов “Океан” и “Азов”» [52], «располагался на месте современного Николаевского рынка» [53]. Здесь опять-таки нет указания на источники. Учитывая факт гибели довоенных архивов станицы Славянской в период оккупации, ведущими источниками информации могут быть люди и их воспоминания.

Большим подспорьем в попытке определить месторасположение храма может быть план станицы Славянской за 1920 г., опубликованный в альманахе Копыл [54]. Николаевский храм обозначен здесь большим крестом между улицами Батарейной и Торговой (Лермонтова).

Однако информаторы-старожилы, опрошенные нами, единогласно относят расположение Николаевского храма в место пересечения улиц: Ленина – Отдельская – Юных Коммунаров – Лермонтова. Это уже соседний квадрат по соседству с Николаевским рынком. По свидетельству Евгения Кирилловича Куневич (1930 г.р.) храм располагался в этом квартале ближе к пересечению ул. Юных Коммунаров и ул. Лермонтова. Указывая на приблизительно то же место, Раиса Михайловна Болотенко (1925 г.р.) отвергает мнение о расположении храма на месте Николаевского рынка так как «улица Ленина была заросшая, грязная, непролазная, никакой там церкви не было – церковь была в следующем квартале» [55].



Дом семьи Татьяненко, фото 1938 г.
У края Николаевской площади, пересечение ул. Батарейной
и ул. Юных Коммунаров

Об этом же говорит и Марфа Борисовна Колпак (Татьяненко), относя здание, однако, ближе к улице Отдельской. Подворье её родителей располагалось на пересечении улиц Батарейной и Юных Коммунаров – на самом краю Николаевской площади (забор на фото располагается вдоль Юных Коммунаров). Этот дом будет разрушен в результате прямого попадания бомбы во время налета вражеской авиации на станицу весной 1943 г. Если верить указанному плану станицы за 1920 г., то семья Татьяненко должна была жить в двух шагах от храма. Однако информатор указывает вслед за остальными на иное место. В связи с чем у нас нет повода в этом сомневаться. Здесь лишь стоит указать на некоторую долю условности в обозначения Николаевского храма на станичном плане.

В отношении времени разрушения Николаевского храма также имеются разночтения между опубликованными данными и устными свидетельствами. В начале статьи нами уже приведен фрагмент из книги Н.А. Андрияш, в которой разрушение храма относится ко времени боев на Кубани в период Великой Отечественной войны. «Очерки по истории Славянска-на-Кубани и Славянского района», составленные в 2004 г. внушительным коллективом авторов, также указывают на то, что «здание пострадало во время Великой Отечественной войны» [56]. Экземпляр этой книги, попавший к нам в руки в Славянском историко-краеведческом музее, между тем имеет одну особенность: одним из сотрудников музея выше процитированный фрагмент текста зачеркнут карандашом, а между строк было записано: «Было взорвано в 1934 году в сентябре. Свидетель – ученик НШ № 4 Мизанов». В архивах музея также имеются воспоминания Константина Георгиевича Брасленко, 1905 г.р., которого цитирует в своей первой книге Н.А. Андрияш [57]. Помимо того что К.Г. Брасленко также относит расположение Николаевского храма к пересечению улиц Лермонтова и Юных Коммунаров, он отмечает, что храм разрушили взрывники из Новороссийска в 1934 г. При этом «станичники к разрушению церкви отнеслись пассивно, так как еще не пришли в себя после голода 1933 года» [58].

Между тем воспоминания старожилов г. Славянска-на-Кубани, собранные нами по этому вопросу, выглядят следующим образом.

Один из информаторов, Елена Максимовна Белая, о разрушении храмов станицы Славянской судит по воспоминаниям своей матери Екатерины Павловны Белой (Сокол), 1894 г.р.: «Слышала, что Николаевскую церковь ломали наши русские “Ваньки”. Набрали этих дураков и они пошли за советскую власть» [59].

Сергей Иванович Балаценко свидетельствует: «Бабушка мне говорила какую-то фамилию, который лазил и колокол привязывал, чтобы его сорвать. Веревка эта порвалась. Он лазил второй раз. Потом рассказывали, что он умер позорной смертью этот человек. Господь наказал за то, что на колокольню полез. Я помню эти разговоры. Люди

очень долго об этом говорили. Один из тех, кто снимал колокол, расшибся сразу насмерть» [60].

Марфа Борисовна Колпак (Татьяненко) вспоминает: «Они ее подорвали... Ночью як “гунуло” и церковь склонилась, но еще не упала. На вторую ночь она упала... а красивая церковь была, а большая церковь была! Успенская церковь не такая – меньше была. Кирпич люди растащили. По Юных Коммунаров между ул. Троицкой и ул. Краснодарской сделали колхозные амбары из этого кирпича. Но не всё разобрали. Три купола нельзя было (разобрать. – А.П.). Церковь была сделана на яйцах и на цементе из белого кирпича, вход смотрел на ул. Отдельскую» [61]. Информатор также помнит фамилию человека, ответственного за разрушение не только Николаевского, но и Пантелеимоновского храма. До войны этот человек был хорошо известен. Его фамилия Григоров.

Евгений Кириллович Куневич, 1930 г.р.: «Николаевская церковь стояла по улице Юных Коммунаров, между Островского и Лермонтова. Там был храм. Бетонный. Настоящий бетон, а не тот что сейчас. Колонны бетонные ещё долго на развалинах лежали. Их было три» [62].



Икона Николаевской церкви
«Иисус Христос Царь Славы»

Раиса Михайловна Болотенко вспоминает: «Разорили церковь на моих глазах. Я сама видела как взрывали ее, взрывали, а она стояла... белая церковь, кирпичная. Были колонны... смотрели на запад. Три или четыре колонны огромные. Взрывали их, взрывали и не могли... внизу их взорвали и крышу снесли и они попадали. Целиком. Они такой крепости были, что их нельзя было разбить. Мальчишки

бегали и из церкви иконы повытаскивали, привязали к ним веревки и вокруг церкви мотаются с этими иконами. Люди стоят – смотрят. Никто не подходил, ничего не брали. Тогда нельзя было. Разломали церковь, а кирпичи потом растянули» [63].



Икона Николаевской церкви
«Николай Чудотворец»

Относительно того, что в момент разрушения храма никто оттуда ничего не брал, сохранились иные свидетельства. Так, в частности, Иван Николаевич Оникко вспоминает часто о своей бабушке Александре Георгиевне Оникко (Сухомлиновой), 1897 г.р.: «Когда Николаевскую церковь рушили, возле нее иконы палили. Бабушка попросила своего знакомого забрать одну большую икону домой, а он говорит: “Забирай, только чтобы никто не видел”. Бабушка несла на себе эту икону. До того, говорит, легко мне было ее нести, а думала не донесу» [64]. Помимо этого есть и свидетельства других информантов, уверяющих, что в их домах, по семейному преданию, хранится икона из разрушенного собора.

Воспоминания, связанные с Николаевским храмом в период войны, сохранил внук Феодосии Гавриловны Гапченко (Сухомлиновой) (1925 г.р.) – Сергей Викторович: «Она утверждала, что во время авианалета в храм попала бомба. Из-за этого образовался котлован такой, что и воду видно было» [65]. Важно отметить, что информатор, чьи слова сохранил внук, не была свидетелем событий

1934 г. Весьма вероятно, что Феодосия Гаврииловна имела в виду остатки руин храма, еще лежавшие спустя почти десятилетие.

Марфа Борисовна Колпак (Татьяненко) опровергает свидетельства Феодосии Гаврииловны. Она и ее семья попали под налет фашистской авиации. Она точно помнит дату бомбежки – 12 апреля 1943 г. – и точно указывает каждое место, где падали бомбы: «На место разрушенного Николаевского храма бомбы не падали. Бомбили не там. Бомбили по Батарейной и до Комсомольской (там еще три бомбы упало). Бомба упала у нас, у соседей – завалило и домик, и сарай у них. Одна бомба упала по Юных Коммунаров недалеко от нас. Прямо там и асфальт уже сделали, *а бомба в земле осталась*» [66].

До настоящего времени не обнаружено ни одной фотографии с изображением Николаевского храма. Современный исследователь кубанской храмовой архитектуры Александр Владимирович Селивестров, автор 2-томного издания «Все храмы края», считает, что Успенский и Николаевский храмы могли быть братьями-близнецами. Свою версию он подтверждает примером идентичности Свято-Успенского храма станицы Славянской с Троицким храмом станицы Казанской. В последней два храма были построены А.П. Косякиным по одному и тому же проекту [67].



Свято-Троицкий храм ст-цы Казанской, проект архитектора
А.П. Косякина

В отношении материала, из которого было построено здание, утвердилось мнение, что это было здание из красного кирпича [68].

Это мнение подвергли сомнению многие старожилы, считая цвет храма, как и его колонны, белыми, причем вариант с побелкой и покраской не рассматривался как аргумент. Во-первых, информаторы в один голос сообщают, что помнят то, как долгие годы лежали на улицах города Славянска-на-Кубани остатки этих колонн. Р.М. Болотенко вспоминает, что «еще в войну они лежали. Мы жили по Ковтюха и Батарейная. Грязь была непролазная. Так их положили через канаву. Колонны были белого цвета» [69]. Белыми их запомнила Нина Ивановна Оникко (Царева) (1931 г.р.), приехавшая с семьей в станицу Славянскую в 1941 г.

Славянцы, живущие по улице Ленина, 60, вспомнили о том, что их дед строил этот дом в 1949 г. Своего материала не хватало, поэтому кирпич брали с храмовых руин. Домовладение было побелено снаружи. Побеленный Свято-Успенский храм, который, напомним, строился одновременно с Николаевским храмом, снаружи хоть и белый, но на самом деле выложен из красного кирпича.



Улица Ленина, дом № 60 (не сохранился). Был построен частично из кирпичей Николаевской церкви (фото ок. 2011 г., из архива автора)

Свидетельством, которое частично устраняет описанные противоречия, являются воспоминания одного из самых известных в Славянском районе ветеранов Великой Отечественной войны Вертеля Василия Васильевича, 1923 г.р. Во время строительства городка Нефтяников он был в должности линейного механика и прекрасно запомнил Николаевскую площадь: «Мы её называли “цыганской”. Там же болото, болото настоящее было. Грязи было по пояс. Городок Нефтяников построили на чистом болотном месте. У руин церкви мы

разбирали кирпич. Церковь огорожена была красным кирпичным забором. Его разбирали мы, и, строя Нефтяники, засыпали этим кирпичом территорию городка» [70].

Воспоминания многоуважаемого ветерана подвергла сомнению Людмила Георгиевна Луцук, 1947 г.р. Она вспоминает, что в 1950-е гг. на месте нынешнего Николаевского рынка устроили место торговли, где продавали коз, свиней и другую домашнюю живность. По периметру сделали небольшой кирпичный забор, его потом разобрали. Этот забор, уверена информант, к церкви не имел никакого отношения: «Церковь огорожена не была. Я ходила с Красной и Батарейной к родственникам на Отдельскую и Юных Коммунаров. Там была тропинка наискосок. Все было разгорожено, от церкви лежали колонны, потом их растянули, а забора не было» [71]. Вероятно, «новый» забор для «нового» рынка был сложен из остатков кирпича Николаевского храма.

Пообщавшись с художником, автором картины «Николаевский собор» Сергеем Борисовичем Волосяновым, удалось узнать, что все особенности реконструированного внешнего облика здания автор воссоздал на основе набросков своего отца Бориса Ивановича, 1927 г.р. По словам художника, Б.И. Волосянов показывал свои наброски ветеранам войны, которые были старше его, и те говорили, что «очень похоже». В целом Сергей Борисович изобразил всё, что его отец нарисовал карандашом. Под руководством отца он написал церковь такой, какая она и была, – из красного кирпича, с жестяными куполами.

Старожилам, нами опрошенным, Николаевский храм, вероятно, запомнился белым потому, что он, как и Свято-Успенский храм, в то время белился. Белые колонны ошибочно их уверяли в этом. Судьба колонн была решена, по-видимому, в начале 1960-х гг. Иван Николаевич Онишко (1958 г.р.) уточняет, что, будучи ребенком, запомнил колонны мраморными, с розовым оттенком, лежащими на углу улиц Отдельской и Юных Коммунаров (территория нынешнего спорткомплекса). О том, что это были колонны Николаевского храма, ему позже поведал родственник Владимир Царев, 1941 г.р., который перед уходом в армию лично укладывал их в фундамент одного из строящихся зданий. Наталья Сергеевна Балаценко, доцент кафедры русской и зарубежной филологии филиала КубГУ в Славянске-на-Кубани утверждает, что колонны эти были уложены в фундамент здания по улице Лермонтова, 207 (бывшая ул. Торговая), в котором располагается нынешний центр занятости населения [72].



Свято-Пантелеймоновский храм. Фото из фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

Вслед за Николаевским храмом, спустя два года, в 1936 г. был разобран деревянный Свято-Пантелеймоновский храм. От него на время осталась лишь ограда и несколько могил. Евгений Кириллович Куневич вспоминал: «Мы пацанами играли в войну в сквере. Сквер он так и был тогда “церковный”. Вокруг литые прутья... такая изгородь была красивая. И зачем её разрушили? И было там две могилы около того места, где был храм. И их никто не трогал и все знали, нам деды говорили: “Не вздумайте там играть – там два священника похоронены”. Обычай был такой – хоронить священников рядом со своим приходом». Как и Евгений Кириллович, Марфа Борисовна Колпак (Татьяненко) уверяет, что Пантелеймоновскую церковь не просто разобрали, а именно сожгли, поставив там памятник Ленину, который потом был снесен во время оккупации [73].

Разрушение сразу двух станичных храмов за довольно короткий промежуток времени вполне укладывается в русло негласной общегосударственной политики тех лет, в соответствии с которой планировалась ликвидации религии к 1937 г. План достижения цели составили воинствующие безбожники из Антирелигиозной комиссии. По этому плану к 1932–1933 гг. должны были закрыться все церкви, молитвенные дома, синагоги и мечети; к 1933–1934 гг. – исчезнуть все религиозные представления, привитые литературой и семьей; к 1934–1935 гг. – страну, и прежде всего молодежь, необходимо было охватить тотальной антирелигиозной пропагандой; к 1935–1936 гг. – должны были исчезнуть последние молитвенные дома и все

священнослужители; а к 1936–1937 гг. – религию требовалось изгнать из самых укромных уголков страны [74].



Свято-Успенский храм, апрель 1943 г.

Между тем Свято-Успенский храм продолжал работать вплоть до 1938 г., избежав разрушения лишь чудом. Он был превращен в зернохранилище, став собственностью колхоза им. Красной Армии [75]. Евгений Кириллович Куневич вспоминал: «Успенская церковь закрылась только перед войной. До войны детей крестили: у меня брат 1937 г.р., сестра 1935 г.р., да и супруга 1938 г.р. – все они были крещены в этой церкви. Священник этой церкви мимо нас ходил, и мы с ним здоровались. Жил он от нас недалеко где-то по улице Лагерной (ныне Дзержинского). Пожилой такой, с бородой, как обычно, и длинными волосами. А потом перед самой войной в церкви устроили склад. Хранили семечки подсолнуха» [76].

Во время войны единственную в станице церковь открыли оккупанты. Е.К. Куневич: «Она пустая стояла – икон там почти не было – только росписи на стенах. Румыны открыли. Ключи где-то нашли и открыли. И батюшка у них был свой румынский, и люди пришли церковь открывать. И мы пацаны прибежали – нам везде все надо было. Румыны в шортах. Наши бабы плюются – у нас же так не ходили, это же было для них, будто в трусах мужчина ходит» [77].

Эти воспоминания, вероятно, относятся к августу-сентябрю 1942 г. Оставшийся на оккупированной территории обновленец Павел Игнатович Корнеев был официально назначен священником-настоятелем Успенского храма ст-цы Славянской Архиепископом Владимиром с 5 сентября 1942 г. [78]. Однако на сайте Славянского благочиния было указано, что первая Божественная литургия в храме

после его открытия была совершена 19 января 1943 г., на Крещение Господне. Информатор Елена Максимовна Белая вспоминала: «Мы при немцах с Тоней пошли в Успенскую церковь. Как раз Крещение было. И батюшку вели, руку его держали с зажатым в ней крестом и приложенным ко лбу. Вели на речку – лед был. Сделали прорубь для крещения. Немцы стреляли вверх в честь праздника. Людей было много – обрадовались они, что немцы церковь открыли» [79].

В сентябре 1943 г. между церковью и советской властью начинается период потепления отношений. К тому времени четко обозначился коренной перелом в войне и у государства появляются новые планы, для реализации которых было позволено организовать Архиерейский собор и избрать нового патриарха. Столь резкий поворот для всех христиан Московского Патриархата и принятие в дальнейшем лояльных законов об открытии храмов и молитвенных домов локально привели к тому, что Свято-Успенский храм более уже не закрывал свои двери для прихожан.

Подводя итог исследованию, исходя из имеющихся архивных источников, опубликованной литературы и устных свидетельств, можно сделать следующие выводы.

1. Перед революцией, в результате бюрократических проволочек и прямого противодействия заинтересованных лиц, станица Славянская лишилась возможности открыть богадельню и подворье Драндского монастыря, однако обзавелась красивой часовней в районе казачьих лагерей нынешнего поселка Совхозного. Часовня эта по неподтвержденным данным сохранилась в перестроенном виде и является частным домом.

2. Краснокирпичные Успенский и Николаевский храмы были заложены в 1912 г., а освящены, вероятнее всего, не ранее 1918 г.

3. Николаевский храм разрушен был не в период Великой Отечественной войны, а в 1934 г. во время активных гонений на религию, от которых пострадал и Свято-Пантелеймоновский храм, разобранный в 1936 г.

Нынешний город Славянск-на-Кубани мог быть сейчас местом притяжения паломников, если бы на его территории были реализованы все строительные проекты начала XX в., при условии их сохранения в советский период. Между тем строительство новых религиозных зданий в начале XXI в.: Свято-Пантелеймоновского храма на Новом кладбище и храма Александра Невского рядом с центральной аркой агрофирмы «Сад-Гигант» украсило нынешний облик города, а архитектурная жемчужина – Свято-Успенский храм – по-прежнему напоминает о богатстве духовной культуры предков.

Библиографические ссылки

1. Ластовка О.А., Хохлова В. Свято-Пантелеймоновский храм г. Славянска-на-Кубани // Копыл. 2014. №3 (11). С. 16–21; Бабич А. Свято-Успенский храм в г. Славянске-на-Кубани. URL: <https://proza.ru/2017/11/24/678>.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК) Ф. 668. Оп. 1. Д. 729. Л. 55–62 об.
3. Кубанский календарь на 1912 год. Екатеринодар, 1912. С. 362.
4. Архивный отдел администрации Славянский район (далее – АОАСР) Ф.Р-198. Оп.1. Д. 4. Л. 114 об–115.
5. Подсчитано автором на основе: АОАСР Ф.Р-198. Оп. 1. Д. 39.
6. Подсчитано автором на основе: АОАСР Ф.Р-198. Оп. 1. Д. 28.
7. АОАСР. Ф.Р-198. Оп. 1. Д. 28. Л. 142.
8. АОАСР. Ф.Р-198. Оп. 1. Д. 32. Л. 227 об.
9. Андрияш Н.А., Заболотный Н.Л. Славянск-на-Кубани и Славянский район. Страницы истории. Краснодар, 1995. С. 40.
10. ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5497. Л. 1.
11. Там же. Л. 6–6 об.
12. Там же. Л. 7–7 об.
13. Там же. Л. 8.
14. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 204. Д. 190 (2-й стол, 2-е отделение). Л. 5–5 об.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 190 (2-й стол, 2-е отделение). Л. 6.
16. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 190 (2-й стол, 2-е отделение). Л. 6–7 об.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 190 (2-й стол, 2-е отделение). Л. 2–2 об.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 190 (2-й стол, 2-е отделение). Л. 22–23.
19. Олефир Е.А. Забытое наследие. История одной часовни // Копыл. 2020. № 4 (36). С. 44.
20. ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 626. Л. 9.
21. ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5497. Л. 1.
22. Андрияш Н.А., Заболотный Н.Л. Указ. соч. С. 42.
23. Андрияш Н.А. Мой город Славянск-на-Кубани. Краснодар, 2000.
24. История Славянска-на-Кубани // Заря Кубани. 1967. № 103. С. 4.
25. Основы православной культуры в контексте истории Кубани: учеб. пособие для студентов педагогических вузов / под ред. Н.Б. Акоевой. Славянск-на-Кубани, 2007. С. 242.
26. Славянский район: историко-географические сведения. Социально-экономический справочник / авт.-сост. Б.Д. Фуфалько. Краснодар, 2012. С. 58.
27. Что? Где? Когда? В славянском районе: к 95-летию со дня образования / авт.-сост. Д. А. Решмет. Краснодар, 2019. С. 32.
28. Кузьмин А. Свято-Успенский храм отметил престольный праздник. URL: <https://zaryakubani.ru/news/kultura/16867-svyato-uspenskij-xram-otmetil-prestolnyj-prazdnik/>.
29. URL: http://www.slavyansk.tv/news/sto_desjatyj_den_rozhdenija_glavnyj_sobor_slavjanskogo_rajona_khram_uspenija_presvjatoj_bogorodicy_otmetil_prestolnyj_prazdnik/2017-08-30-3195.
30. Что? Где? Когда? В славянском районе... С. 31.
31. Кубань: от невероятного к очевидному / авт.-сост. Е.А. Тончу. М., 2010. С. 186.
32. ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1111; ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 891.
33. Бардадым В.П. Этюды о Екатеринодаре. Краснодар, 1992. С. 102.
34. Кубанские областные ведомости. 1912. № 167. С. 2.
35. URL: <http://slavyansk.blagochin.ru/main-page>.
36. Кубанские областные ведомости. 1912. № 200. С. 2.

37. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 190 (2-й стол, 2-е отделение). Л. 2.
38. АОАСР. Ф.Р-198. Оп. 1. Д. 47.
39. ГАКК. Ф.Р-580. Оп. 1. Д. 549. Л. 16.
40. ГАКК. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 16. Л. 594.
41. Славянский район: историко-географические сведения... С. 56.
42. ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 626. Л. 23 об.
43. Кубанские областные ведомости. 1912. № 167. С. 2.
44. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 25–26
45. Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 50.
46. Русская православная церковь и коммунистическое государство... С. 250–251.
47. ГАКК. Ф. Р-699. Оп. 1. Д. 10. Л. 38.
48. ГАКК. Ф. Р-696. Оп. 1. Д. 100. Л. 248.
49. ГАКК. Ф.Р-699. Оп. 1. Д. 6. Л. 317.
50. Полевой дневник автора.
51. Полевой дневник автора.
52. Андрияш Н.А., Заболотный Н.Л. Указ. соч. С. 42.
53. Славянский район: историко-географические сведения... С. 58.
54. Решитько Б.Т. Славянск-на-Кубани 50 лет назад // Копыл. 2015. № 3–4 (15–16). С. 48–49.
55. Полевой дневник автора (запись беседы от 07.07.2017).
56. Очерки по истории Славянска-на-Кубани и Славянского района. Славянск-на-Кубани, 2004. С. 36.
57. Андрияш Н.А., Заболотный Н.Л. Указ. соч. С. 41.
58. Личный архив автора (копии материалов получены от бывшего сотрудника музея).
59. Полевой дневник автора (запись беседы от 22.02.2013).
60. Полевой дневник автора (запись беседы 2021 г.)
61. Полевой дневник автора (запись беседы от 25.07.2020).
62. Полевой дневник автора.
63. Полевой дневник автора (запись беседы от 17.05.2011).
64. Полевой дневник автора (запись беседы от 28.09.2012).
65. Полевой дневник автора (запись беседы от 03.04.2013).
66. Полевой дневник автора (запись беседы от 25.07.2020).
67. Береговина Н.Б. Указ. соч. С. 410–412. URL: <https://moluch.ru/archive/50/6412>.
68. Андрияш Н.А. Мой город Славянск-на-Кубани. Краснодар, 2000.
69. Полевой дневник автора (запись беседы от 17.05. 2011).
70. Полевой дневник автора (запись беседы от 16.08. 2020).
71. Полевой дневник автора (запись беседы от 28.06. 2021).
72. Полевой дневник автора.
73. Полевой дневник автора.
74. Фирсов С.Л. Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газета: НГ–религии. 2002. 30 окт.
75. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 374. Л. 11.
76. Полевой дневник автора.
77. Полевой дневник автора.
78. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 374. Л. 20.
79. Полевой дневник автора.

ГРЕЧЕСКИЙ ФЛОТ И ЕГО РОЛЬ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ В 1820–1829 гг.

М.А. Волков

Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
dissovet.fismo@kubsu.ru

В данной публикации предпринята попытка осветить участие корабельных сил повстанцев в национально-освободительной борьбе греческого народа против османского господства в 1820-е гг. В статье рассматривается ряд важных аспектов: наличие у эллинов многочисленной коммерческой флотилии, возрождение, состояние, а также совершенствование боевого греческого флота. Важное место в данном изыскании отводится особой тактике, применяемой греческими моряками в сражениях с османами. Предпринята попытка дать объективную оценку деятельности революционеров на море. В статье раскрыта роль мореплавателей торговых связей и военно-морских сил повстанцев в победоносной войне греческого народа в указанных хронологических рамках.

Ключевые слова: Греция, Турция, корабль, торговля, море, война, революция, флот, моряк, остров.

Греческая революция 1821–1829 гг. вошла в историю как вооруженная борьба греческого народа за независимость от Османской империи. Революция началась в 1821 г. и завершилась в 1829 г. подписанием Адрианопольского договора, предоставившего Греции автономию.

В отечественной историографии на сегодняшний день нет специального исследования, посвящённого роли греческого флота в Греческой национально-освободительной революции, однако, по мнению ряда историков, именно флот был одним из главных факторов успеха греческих повстанцев.

Ещё со времён Древнего мира греки славились как умелые мореплаватели. Этому способствовало и географическое положение материковой Греции, которая омывается водами четырёх морей – Ионического, Средиземного, Критского и Эгейского. Также в этих морях располагаются многочисленные эллинские острова. Из-за скудности природных ресурсов возникла потребность в торговле внутренней и внешней. Кроме того, наличие многочисленных врагов повлекло за собой создание и совершенствование военно-морских сил.

После завоевания Греции османами в XV в. ситуация изменилась, со временем была упразднена военная составляющая флота. Теперь греки могли осуществлять только коммерческие операции, в чём они значительно преуспели. В предреволюционный

период Греция вносила значительный вклад в процветавшую торговлю Османской империи, так как поставляла большое количество хлеба, шерсть, македонский табак. Греки занимались развозом различных товаров по морю. Это позволило совершенствовать свои навыки взаимодействия, командования, военных действий в стычках с пиратами. Кроме того, для защиты от разбойников судна оборудовали пушками. Поэтому перед началом восстания греки уже были умелыми мореходами, имели большой опыт мореплавания. Их торговые экспедиции состояли из тысяч моряков [1].

Можно утверждать, что уже на первом этапе освободительного движения греческий флот сыграл ключевую роль. К примеру, Россия оказывала давление на Турцию и в последующем объявила ей войну. И одним из главных поводов для конфронтации стало нарушение российско-греческих торговых морских связей. Турки грабили эллинские суда и это наносило существенный ущерб экономике южных регионов России. Так, 90% из всех коммерческих кораблей, заходивших в черноморские порты, были греческими [2].

В первый период революции повстанцы обладали значительным торговым флотом. Это было одним из главных преимуществ революционеров над османами. Благодаря этому в условиях войны с Портой греками были налажены альтернативные торговые пути в Испанию и Португалию. Можно сказать, что создание боевого флота происходило практически с самого начала. Большую часть военно-морских сил, которыми располагали мятежники, составляли суда, принадлежавшие состоятельным купцам на островах. Отдельно закупились запчасти и вооружение для кораблей [3].

Но в первое время после начала революции у повстанцев отсутствовало централизованное командование, наблюдались проблемы с дисциплиной у солдат. Все же это не помешало повстанцам успешно действовать на море. Греки одержали несколько значительных побед над отдельными частями турецкой флотилии. Мятежники атаковали как военные корабли, так и торговые. Триумф греков состоял не только в самом выигрыше, но и в захваченной добыче, которая включала провизию и различное снаряжение, необходимое для вооружения повстанцев.

На протяжении всего восстания греки предпринимали единственно верные шаги по пути усиления своего флота. Так, мятежникам удалось объединить свои флотилии ещё перед началом восстания. Были созданы единое адмиралтейство и общее казначейство для централизации в управлении боевыми действиями на море. Также первые 150 кораблей разделили на 4 эскадры [4]. Мобильный греческий флот рассредоточился по обширному морскому пространству, но это не мешало ему стать единым целым в случае необходимости. Он выполнял задачи разной направленности, начиная

от патрулирования и охраны, заканчивая разведывательной деятельностью.

Следует отметить важную роль новой, разработанной революционерами, тактики. В сражениях греки активно использовали усовершенствованные брандеры. Новшество заключалось в том, что моряк сопровождал брандер до окончательного приближения к вражескому кораблю, а затем его поджигал. Благодаря этой хитрости, эллинам долгое время удавалось внушать страх, деморализовать османов. Интересен тот факт, что греки не обладали специализированными крупными военными кораблями и поэтому моральный эффект запугивания был очень важен. Иногда внешний вид матросов, их неистовые возгласы приводили турок в ужас, сеяли панику. К этому можно прибавить эффект неожиданности и поджог главных целей – командирских кораблей. В итоге враг отступал.

В качестве примера успешных действий греческого флота автор приводит одно из знаменательных сражений греко-турецких сил на море у острова Хиос. Можно сказать, что эта битва стала мстью греков за устроенную османами, резню на Хиосе. Флотилия мятежников под командованием адмирала Я. Томбазиса 6 июня 1822 г. столкнулся с эскадрой противника. Греческому моряку с помощью брандера под флагом Австрии удалось поджечь адмиральское 80-пушечное судно и соседний корабль. В результате турецкий адмирал погиб, а эллины после этой битвы стали действовать увереннее на море [5].

Качественное улучшение и количественное увеличение кораблей позволило эллинам блокировать все турецкие берега и грабить суда под любым флагом. Теперь судна мятежников стали крупнее и прочнее. И если на суше борьба с турками велась с переменным успехом, то на море греческие корабли доминировали практически постоянно. Так, преследуя и нападая на флот Ибрагима-паши, грекам удалось задержать османов и выиграть время.

На последнем этапе революции, в Наваринском сражении 20 октября 1827 г., союзный флот почти полностью уничтожил корабли османов. Греческая флотилия, наоборот, усилилась. К тому же российской стороной был передан бриг «Ахиллес». Исходя из сложившейся обстановки основной задачей для эллинских кораблей стала борьба с пиратством и поддержка эллинов в прибрежных сражениях на Балканах.

Таким образом, роль торгового и военного греческого флота в освобождении Греции от османского господства можно оценить как значительную. Коммерческий флот, несмотря на войну, продолжал функционировать. Он способствовал вовлечению России в противостояние с Портой. А одержанные военно-морскими силами победы с самого начала революции вдохновляли мятежников на продолжение борьбы с оккупантами своей родины.

Библиографические ссылки

1. Исторические документы Востока и Запада. Новости политические // Сын отечества. 1821. Ч. 71. № 28. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Syn_Otecestva/1821_28.htm
2. Широкопад А.Б. Русско-турецкие войны 1676–1918 гг. М., 2000. С. 381.
3. Исторические документы Востока и Запада. Новости политические // Сын отечества. 1821. Ч. 72. № 40. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Syn_Otecestva/1821_40_1.htm.
4. Там же.
5. Феоктистов Е.М. Борьба Греции за независимость: эпизод из истории первой половины XIX в. СПб., 1863. С. 83.

ВЫПУСКНИК КУБАНСКОГО ИСТФАКА (ОЧЕРК О СЕРГЕЕ НЕСТОРОВИЧЕ БЕНКЛИЕВЕ)

А.Н. Ткачев

Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
alexey_tk@mail.ru

Статья посвящена малоизвестным страницам биографии выпускника Кубанского педагогического института довоенной поры С.Н. Бенклиева, который стоял у истоков исторического образования в Воронежском университете, был первым деканом истфака и заведующим кафедрой археологии и истории Древнего мира ВГУ.

Ключевые слова: Кубанский пединститут, исторический факультет, кафедра всеобщей истории, кафедра археологии и истории Древнего мира.

Среди плеяды выпускников исторического факультета Краснодарского педагогического института особое место занимает Сергей Несторович Бенклиев (1907–1983), стоявший у истоков исторического образования в Воронежском университете и первый заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира ВГУ. Его имя вписано в историю Воронежского университета, однако на Кубани о нем практически ничего не известно.



Сергей Несторович родился 12 февраля 1907 г. в г. Темрюке Кубанской области. После окончания школы в 1924 г. поступил на

отделение украинского языка и литературы Кубанского педагогического института, которое окончил в 1929 г. [1]. Это было время когда на факультете преподавали такие признанные ученые, как Г.Г. Григор, М.В. Ключков, археолог Н.А. Захаров, этнографы А.Ф. Лещенко и М.А. Садиленко, что безусловно повлияло на выбор тематики его научных поисков. Научные интересы С.Н. Бенклиева лежат в области античности, в частности, истории Древнего Рима. После окончания пединститута в 1929 г. он остался работать сначала преподавателем истории на рабфаке, а затем стал заместителем директора рабфака пединститута. В 1930–1931 гг. С.Н. Бенклиев работал преподавателем кафедры всеобщей истории Кубанского пединститута.

О причинах переезда С.Н. Бенклиева из Краснодара можно только догадываться. С 1931 по 1933 г. в связи с прекращением преподавания истории в вузах страны был закрыт исторический факультет в Кубанском пединституте. В самом пединституте вновь началась череда переименований и реорганизаций. С 1931 по 1933 г. он назывался Кубанский агропедагогический институт, а с 1934 г. – Краснодарский государственный педагогический институт им. 15-летия ВЛКСМ [2]. Преподавание истории в школах и вузах страны было восстановлено только в 1934 году постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г.

С 1933 г. С.Н. Бенклиев работал в Томском государственном педагогическом институте. С восстановлением преподавания истории в вузах в пединституте начинается профессиональная подготовка историков, формируется система высшего исторического образования в Сибири. С.Н. Бенклиев за несколько лет прошел путь от преподавателя до заведующего кафедрой всеобщей истории и декана исторического факультета, а в дальнейшем заместителя директора Томского пединститута по учебно-научной работе. В период работы в Томске в 1933–1940 гг. он подготовил ряд справочников и хрестоматию по истории Древнего мира [3]. Во время работы на истфаке Томского пединститута С.Н. Бенклиев также приступил к написанию кандидатской диссертации по истории Древнего Рима, обратившись к изучению «классовой сущности заговора Катилины» [4].

С 1940 г. его судьба связана с Воронежем. Можно с уверенностью говорить, что С.Н. Бенклиев стоял у истоков исторического образования в Воронежском университете, поскольку до 1940 г. в его составе не было ни одного гуманитарного факультета. Исторический факультет в ВГУ был открыт весной 1940 г. Кафедра истории оказалась единственной на открытом историческом факультете. Историк-античник С.Н. Бенклиев был зачислен на кафедру приказом по университету с 1 сентября 1940 г. Он преподавал древнюю историю на первом курсе истфака. Одновременно с сентября

1940 г. доцент С.Н. Бенклиев приступил к исполнению обязанностей заведующего кафедрой истории. После ее разделения в 1941 г. он возглавил кафедру древней (всеобщей) истории, а в сентябре того же года был назначен деканом исторического факультета Воронежского университета (руководил им до января 1947 г.) [5].

С.Н. Бенклиев стал заведующим кафедрой истории, будучи уже сложившимся педагогом, опытным руководителем и профессиональным историком-античником. Он преподавал большинство исторических дисциплин первого курса (историю первобытного общества, историю Древнего Востока, историю Древней Греции и Рима). По свидетельству первых выпускников факультета, студенты-историки старались не пропускать лекции Сергея Несторовича, поскольку читал он их «увлеченно, всецело овладевая вниманием слушателей» [6].

Во многом благодаря его инициативе весной 1941 г. удалось организовать в стенах университета выставку по истории древней культуры и античного искусства к предстоящему в июне сложному экзамену по истории Древней Греции и Рима. Специальная комиссия под руководством С.Н. Бенклиева с участием студентов истфака и работников библиотеки ВГУ около двух месяцев отбирала и готовила к экспонированию множество исторических книг и альбомов по античному искусству, мифологии и культуре, сотни отдельных иллюстраций, снимков с гравюр и скульптур Древней Греции и Рима. За время работы античной выставки ее посетило несколько тысяч воронежцев, что способствовало популяризации не только исторического факультета, но и всего Воронежского университета и привлекло новых абитуриентов и студентов. Немало первокурсников исторического факультета занимались наукой в факультетском историко-краеведческом кружке. Студенты делали доклады, в том числе о древнейших стоянках первобытных людей в Костёнках, а также активно сотрудничали с областным краеведческим музеем, обрабатывая материалы археологических раскопок [7].

По переезду в Воронеж в 1940 г. С.Н. Бенклиев активно работал над завершением кандидатской диссертации, начатой в Томске, подготовив рукопись объемом 350 страниц. Но во время спешной эвакуации университета из фронтового Воронежа ему удалось спасти только часть рукописи. По свидетельству Сергея Несторовича, почти готовая диссертация «погибла во время бомбежки в городе» в начале июля 1942 г. В течение 1941–1942 гг. (до убытия в эвакуацию) он успел подготовить также рукописи двух больших статей «Разгром немецких псов-рыцарей на льду Чудского озера» и «Древние славяне и Восточно-Римская империя», частично опубликованных в 1944–1945 гг. В июне 1951 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Кризис римской демократии и заговор Катилины» [8].

С.Н. Бенклиев руководил коллективом исторического факультета в условиях Великой Отечественной войны и эвакуации университета в г. Елабугу (Татарская АССР). В эвакуации он сумел привлечь к преподавательской работе таких выдающихся исследователей-антиковедов, как А.И. Болтунова, С.И. Ковалев, М.И. Максимова, а также археологов М.И. Артамонова, П.П. Ефименко, В.И. Равдоникаса. С 1960 по 1966 г. С.Н. Бенклиев являлся заведующим кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, а в последствии, до 1983 г., – доцентом этой кафедры, которая с 1968 г. стала называться кафедрой археологии и истории Древнего мира [9].

Уроженец Кубани, выпускник Кубанского пединститута Сергей Несторович Бенклиев был первым доцентом исторического факультета и одним из столпов исторического факультета ВГУ. Память о нём – неотъемлемая часть истории как Воронежского университета, так и исторического факультета Кубанского государственного университета.

Список некоторых опубликованных работ С.Н. Бенклиева

Хронологический справочник по истории Древнего мира. Томск, 1936. 29 с.

Первый экзамен на истфаке // За научные кадры. 1941. 28 янв.

На краснознаменном факультете // За научные кадры. 1941. 1 мая.

Античные источники о заговоре Катилены // Труды Воронежского государственного университета. Воронеж. 1948. Т. 16, Вып. 1. С. 21–23.

Наука и религия о происхождении человека. Воронеж, 1949. 23 с.

Восстание Спартака: методические указания и материалы к курсовой работе для студентов-заочников. Воронеж, 1949. 24 с.

Заговор Катилены в русской историографии // Труды Воронежского государственного университета. 1950. Т. 30. С. 93–120.

Происхождение человека. Воронеж, 1950. 64 с.

Кризис римской демократии и заговор Катилены: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951.

Научная работа историков Воронежского университета // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 153–154.

В.Г. Белинский и Н. А. Добролюбов об античной истории. Доклад на ежегодной научной конференции ВГУ, 1952 г.

Объяснения к рисункам учебника истории древнего мира для V и VI классов средней школы. М., 1954.

Кризис римской демократии // Труды Воронежского государственного университета. 1955. Т. 38. С. 33–44.

Второй заговор Катилены и его характер // Труды Воронежского государственного университета. 1957. Т. 47. С. 70–107.

К вопросу о Первом заговоре Катилены // Труды Воронежского государственного университета. 1957. Т. 59. С. 75–81.

Правда об обряде крещения. М., 1961. 32 с.

Библиографические ссылки

1. Карпачев М.Д. Бенклиев Сергей Несторович // Воронежская историко-культурная энциклопедия. Персоналии / под общ. ред. О.Г. Ласунского. Воронеж, 2006. С. 53.

2. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 941.

3. Бенклиев С.Н. Хронологический справочник по истории Древнего мира. Томск, 1936.

4. Шамрай В.А. Образование исторического факультета Воронежского государственного университета // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 49

5. Карпачев М.Д. Указ. соч. С. 53.

6. Шамрай В.А. Указ. соч. С. 46.

7. Там же. С. 48.

8. Там же. С. 49.

9. Кафедра археологии и истории Древнего мира. О кафедре // Воронежский государственный университет. Исторический факультет. URL: <http://www.hist.vsu.ru/>

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ПАМЯТИ ГУЧИПСА МАХМУДОВИЧА АЧАГУ



Гучипс Махмудович Ачагу (для многих он был Русланом Михайловичем) внес заметный вклад в развитие исторического факультета (ФИСМО) Кубанского государственного университета. В течение 20 лет, с 1992 по 2012 г., он был деканом ФИСМО, которому отдал лучшие годы жизни.

Гучипс Махмудович – выпускник исторического факультета. После окончания вуза работал на кафедре всеобщей истории, которую возглавлял профессор Д.Г. Песчаный, известный ученый-болгарист. Под его руководством Г.М. Ачагу успешно защитил кандидатскую диссертацию и продолжил по примеру своего учителя исследования новейшей истории Болгарии и других славянских стран и народов. Молодого ученого и педагога отличали усердие и аккуратность, стремление докопаться до истины, широта кругозора и глубина познания, толерантность в неизбежных спорах и дискуссиях среди историков. Его имя как ученого получило заслуженную известность не только в нашей стране, но и за рубежом, чему способствовали заметно расширившиеся международные связи кафедры и факультета в бытность Гучипса Махмудовича деканом.

Эта глава его жизни и деятельности особенная. Непростыми и даже тяжелыми для всех были 1990-е гг., но именно тогда Гучипс Махмудович сделал многое для развития факультета с учетом актуальных потребностей российского общества и происшедших в нем

кардинальных перемен. Благодаря усилиям Г.М. Ачагу и его единомышленников на факультете были открыты новые специальности и направления подготовки: социология, философия, международные отношения, зарубежное регионоведение, востоковедение и африканистика. Это был настоящий прорыв, который способствовал заметному качественному росту кафедр и факультета. Динамизм развития был отражен и в новом наименовании исторического факультета, который с 1998 г. и по настоящее время носит название факультета истории, социологии и международных отношений.

Высшее образование неотделимо от науки, и здесь Гучипс Махмудович успешно применил свои знания, уже накопленный опыт умелого администратора. Он принял активное участие в создании НИИ археологии КубГУ, научно-образовательного центра «Северокавказское славяноведение» (ныне Центр славянских исследований КубГУ), научно-образовательного центра «Философские, религиоведческие и социально-исторические исследования». Создание этих структурных подразделений факультета позволило кафедрам выйти на качественно новый уровень научно-исследовательской деятельности, кооперации с российскими и зарубежными партнерами. При профессоре и декане Г.М. Ачагу были заключены договоры академического сотрудничества между КубГУ и университетами Испании, Италии, Китая, Республики Корея и США. Ярким событием стало учреждение в 1997 г. Кубанского исторического журнала «Голос минувшего», в чем также немалая заслуга Гучипса Махмудовича.

Гучипс Махмудович сыграл важную роль в организации и проведении международных летних школ по истории холодной войны, современным международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности в филиале КубГУ в г. Геленджике. В качестве лекторов и слушателей в работе школ (всего их было 7) были известные ученые-международники, дипломаты, военные, молодые специалисты (преподаватели и аспиранты) из России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Школы получили широкую известность, а их организаторы, в том числе Г.М. Ачагу, – высокую оценку. Вот один из многочисленных отзывов: «Летние школы по холодной войне являются одним из лучших проектов, реализуемых в России. Их отличают академическая направленность и высокий уровень организации. Полученные материалы помогли многим участникам в их преподавательской работе»¹ [1].

Гучипс Махмудович за многолетний успешный труд на благо Отечества был удостоен высоких наград: званий «Заслуженный деятель науки Республики Адыгея», «Почетный работник высшего

¹ Международные летние школы в Геленджике. 5 лет. Краснодар, 2007. С. 71.

профессионального образования Российской Федерации», медали «За заслуги перед Республикой Адыгея».

В последние годы своей научной и преподавательской деятельности профессор Г.М. Ачагу руководил кафедрой зарубежного регионоведения и дипломатии (в настоящее время это кафедра зарубежного регионоведения и востоковедения). Он внес в ее становление и развитие большой вклад, объединил специалистов-единомышленников, передал им свой опыт, знания.

Руслан Михайлович обладал прекрасными душевными качествами: он был добр к людям, вникал в их жизненные проблемы, стремился помочь, дать дельный и нужный совет. Он заслуженно пользовался большим уважением со стороны тех, кто его знал и работал с ним. А таких было и осталось много: сотни и тысячи выпускников истфака и ФИСМО, преподаватели и ученые из многих российских и зарубежных вузов и научно-исследовательских центров. Они признательны ему за его порядочность и доброту, знания, которыми он щедро делился с ними.

Светлая память Гучипсу Махмудовичу Ачагу.

А.Г. Иванов

ИНФОРМАЦИЯ

для авторов журнала

«Голос минувшего. Кубанский исторический журнал»

Журнал выходит четыре раза в год. Редакция журнала принимает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, рецензий, информации о научной жизни и достижениях исторической науки.

Материалы (на бумажном и электронном носителях) следует направлять по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, комн. 245 или по электронной почте e_alexander@mail.ru.

Требования к оформлению работы

1. Ф.И.О. на русском языке, место и адрес работы на русском языке.

2. Название публикации на русском языке.

3. Аннотация (150–200 слов) на русском языке.

4. Ключевые слова на русском языке.

5. Поля: правое – 2,3 см, левое – 2,5 см, верхнее – 2,3 см, нижнее 3,2 см.

6. Шрифт 14 кегль, межстрочный интервал 1,5.

7. Ссылки в тексте приводятся в квадратных скобках порядковым номером, а их расшифровка должна даваться в конце текста как «Библиографические ссылки».

8. В сопроводительном письме следует сообщить сведения о себе: имя и отчество полностью, ученую степень и звание, место работы и должность, почтовый и электронный адрес, номер телефона.

9. Авторы, имеющие ученую степень, должны приложить к своей статье две внешние рецензии авторитетных специалистов, подписанные и заверенные печатью по месту их основной работы. Для авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации в печать. Редколлегия оставляет за собой право рецензировать статьи самостоятельно и принимает решение о возможности их публикации. Предпочтительный объем статьи для соискателей степени кандидата наук – до 0,5 п.л. (20 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая список).

10. Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как и за точность цитируемых текстов, полностью несет автор. Мнение и выводы автора могут не совпадать с мнением редакции и членов редколлегии.

ОБРАЗЕЦ

ВОСПОМИНАНИЯ В.А. СУХОМЛИНОВА О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

А.В. Николенко

Кубанский государственный университет
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
dissovet.fismo@kubsu.ru

Kuban State University
350040 Krasnodar, Stavropolskaya str., 149
dissovet.fismo@kubsu.ru

Статья посвящена воспоминаниям военного министра России в 1909–1915 гг. В.А. Сухомлинова. Рассмотрены его взгляды на характер и итоги российской внешней политики конца XIX – начала XX в. Акцент сделан на выделении массового и индивидуального во внешнеполитических представлениях мемуариста.

Ключевые слова: мемуары, массовое политическое сознание, стереотипы, внешняя политика, происхождение войны, Русско-японская война, Первая мировая война.

The article is devoted to the examination of V.A. Sukhomlinov's memoirs. V.A. Sukhomlinov was Russian Minister of War in 1909–1915. The present work investigates his views on the character and results of Russian foreign policy of late XIX and early XX century. Special attention is paid to revealing of the stereotypes of mass political conscience reflected in his memoirs as well as V.A. Sukhomlinov's individual assessments of events under review.

Key words: memoirs, mass political consciousness, stereotypes, foreign policy, war origins, Russo-Japanese war, WWI.

[Текст статьи]

Научно-образовательный журнал
ГОЛОС МИНУВШЕГО

Подписано в печать: 19.10.2021.

Дата выхода в свет: 19.10.2021.

Формат 60×84 1/8 (79 стр.)

Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая.

Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 500 экз.

Заказ № 4211

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Адрес типографии:
Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета.
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.